

Сибирский ТРАКТ

- Школа предпринимателей
- Юность, опаленная войной
- Поселок над Обской губой
- Друг декабристов - Готвард Собаньский
- Один портрет из Военной галереи
- Казачий чин и воинское звание



Сибирский тракт

Ежемесячное
историко-краеведческое
издание

Первый номер вышел в
сентябре 1992 года

Соучредители
газеты:

Еженедельник
"Согласие".

Тюменский Казачий
Союз

Редакционная
коллегия:

А. Васильев - редактор
В. Девятков - заведующий
отделом

В. Копылов
А. Омельчук
А. Петрушин

На первой странице
обложки:
фото А. Ефремова

В номере

И. Копылов
Казачий кречет в
коммерческом училище
Колокольниковых
• 2

А. Васильев
Братство сорок первого года
• 4

Л. Седов
Се-Яха
• 9

Т. Белим
Вся человеческая жизнь
• 14

И. Терентьев
Опальный сын Польши
• 17

Б. Эристов
Последний шеф
Тобольского полка
• 18

Уложение о
чинопроизводстве в
казацких войсках и
землячествах Союза казаков
• 20

В. Коновалова
К столетию "Ежегодника
Тобольского Губернского
музея"
• 26

Топонимика морей Арктики
• 30

В. Копылов

Казачий кречет в коммерческом училище Колокольниковых

Народное образование в дореволюционной Тюмени в основном развивалось за счет меценатства богатых купцов. История оставила нам имена Подаруева, Игнатова, Колмогорова, Чукмалдина, Трусова, Текутьева, Колокольниковых — немногих из людей конца XIX-начала XX столетий, заботящихся не только о развитии производства, приросте прибыли, но и смотрящих далеко вперед, убежденных, что с неграмотными исполнителями их воли, не способных к усвоению достижений новейшей техники, они не только проиграют гонку за прибылью, но и разорятся в борьбе с конкурентами. Не ошиблись купцы и в другом. Отдавая себе отчет, что построенные ими школы будут стоять многие и многие десятилетия, войдут и в двадцатый и в последующие века, они надеялись на добрую память о себе в будущих поколениях. Среди перечисленных имен наибольшее внимание строительству школ и училищ уделяла многочисленная семья купца И.П. Колокольникова и его наследников. В Тюмени известны три учебных заведения, созданные ими. Наибольшей известностью пользуется монументальное здание бывшего коммерческого училища, начавшего работать накануне первой мировой войны (начало ул. Луначарского, теперь — ТИСИ), частная школа на той же улице (Луначарского, 14) и предшественник коммерческого училища под тем же названием — училище по улице Подарцуевской (Семакова, 2). Все эти здания не только хорошо сохранились до сих пор, но и по-прежнему служат или служили просвещению. Мы расскажем о судьбе одного из этих зданий по улице Семакова, переданного недавно Тюменскому отделу Сибирского казачьего войска и офицерскому собранию. Деревянный двухэтажный дом с парадным крылечком, с

пилястрами по углам, необычной формой окон, закругленных в верхней части, и с наличниками — «надбровными дугами», непременно останавливает на себе взгляд любого прохожего. Интересен интерьер здания, полностью приспособленный для учебного заведения, с широкими деревянными лестницами и

Колокольниковых, в затюменской части города. По всей вероятности, ликвидация коммерческого училища отрицательно сказалась на подготовке коммерсантов для многочисленных предприятий Колокольниковых не только в Тюмени, но и в Омске, Кургане, Екатеринбурге, Перми и на

до 1917 года, владение зданием перешло к некоему Попову. В революцию здесь была официально провозглашена Советская власть в Тюмени, о чем еще недавно свидетельствовала мемориальная доска на стене здания. В помещении пристроя размещалась вечерняя школа номер 8, а главную часть дома занимал ОСВод (Общество по спасению на водах).



И вот теперь его обживают тюменские казаки и офицерство. На стене возле крылечка появилась фирменная доска, извещающая жителей города о принадлежности здания казакам, с неперменной их атрибутикой — летящим кречетом. Надо полагать, энергичное казачество успешно справится с восстановлением здания, сохранит его для истории и установит на нем памятную

резными перилами, точеными столбами-колоннами, светлыми и просторными комнатами с многочисленными окнами, из которых открывается величественный вид на Заречье и старую часть Тюмени с куполами церквей. Надо отдать должное казакам: выбор места для своей резиденции был необыкновенно удачным...

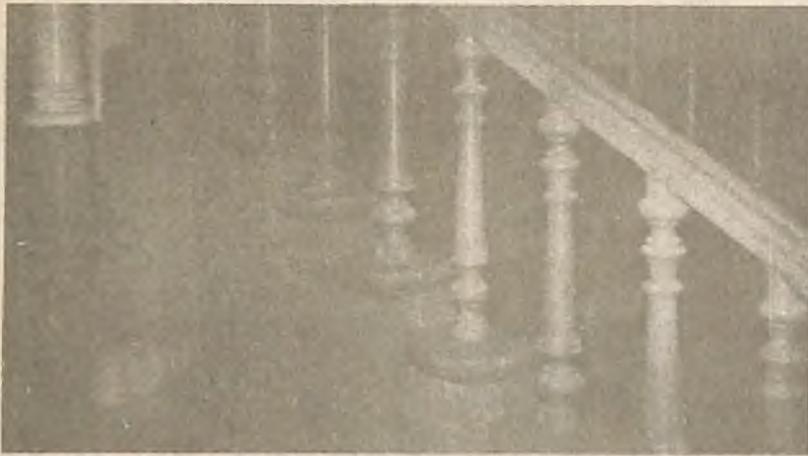
Мало кто знает, что этому сооружению более ста лет, тем не менее, благодаря надежному каменному основанию, сухому месту, пронизываемому всеми ветрами, здание и сейчас хорошо служит людям. У него интересная судьба. Поначалу оно предназначалось для коммерческого училища. Колокольниковы готовили здесь молодежь, главным образом из среднего сословия, для последующей предпринимательской и технической деятельности. То ли недостаточные масштабы учебного заведения, то ли соображения пожарной безопасности (что вероятнее всего: деревянное здание для учебного заведения с большим количеством учащихся — это бочка с порохом!), а может, Колокольниковы предвидели скорую и незавидную судьбу здания, стоящего вблизи постоянно обрушивающегося берега реки, но так или иначе в начале века или несколько раньше было принято решение о переводе учащихся в двухэтажную кирпичную частную школу, также принадлежащую семье

станции Чумляк Южно-Уральской железной дороги. Предприимчивые купцы решили возобновить деятельность коммерческого училища, купили участок земли неподалеку от Троицкого монастыря, не пожалели денег на снос двухэтажного здания гостиничных номеров и на освободившейся площадке в 1910 году заложили монументальное здание нового восьмиклассного коммерческого училища с правами среднего специального учебного заведения, украшающего город и поныне. А пока, не дожидаясь окончания строительства, Колокольниковы в том же году добились у министерства торговли и промышленности разрешения на открытие подготовительного и первого классов. Учащихся временно разместили в частной квартире. После освобождения от коммерческого училища дом на Подаруевской улице был продан купчихе Вьюновой. В нем некоторое время размещалась гостиница, пользовавшаяся в городе весьма положительной репутацией... Позже,

доску о бывшей принадлежности дома к коммерческому образованию, как это недавно и оперативно — в конце 1992 года — казаки сделали по отношению к памяти Ермака. Важно бережно отнестись ко всему тому, что еще сохранилось в интерьере здания с прошлых далеких времен. Надо также иметь в виду, что дальнейшая судьба дома



может оказаться крайне недолговечной, если не принять меры к укреплению ближнего участка берега реки Туры. Четверть века назад только один обвал толты земли мгновенно унес здесь около двадцати метров берега, и угроза дальнейших катастрофических отвалов со временем увеличивается. В сороковых годах нашего столетия между бывшим училищем Колокольниковых и рекой проходил



тупик Серебряковской улицы — теперь Советской. Вместе с жилыми зданиями он полностью сполз в реку.

На снимках:

так выглядит здание в наше время (фото 1985 года); фрагмент здания и фирменная доска Сибирского казачьего войска

с его эмблемой — кречетом; фрагменты интерьера — деревянная лестница (фото 1985 г.); временный памятник Ермаку в Тюмени, установленный казачеством в декабре 1992 года (фото — апрель 1993 г.).



Братство сорок первого года

Это было шесть лет назад. Оставшиеся в живых, уцелевшие выпускники 1941 года школы № 1 г. Тюмени начали длительную борьбу за увековечение памяти своих погибших товарищей и победили. А предыстория такова.

* * *

Ему девятый десяток. Он набирает номер телефона, звонит своему давнему ученику:

— Миша, готов список выпуска сорок первого года?

...Он окончил Ленинградский областной педагогический институт, Петр Юлианович Хайновский, заслуженный учитель школы РСФСР. В 1936 году приехал в Тюмень и был назначен заведующим учебной частью школы № 1 — одной из лучших в городе. Он стал памятью школы, Петр Юлианович — завуч с 1936 по 1945 год...

В телефонной трубке раздается ответный голос. Хайновский кивает головой, и чувствуется — он считает, вспоминает лица. Сорок первый год! Беда объединила людей в ту годину узами прочнее родства и до сих пор держит их вместе. Они

— учителя и ученики — собираются через каждые пять лет в городе их юности из Москвы и Омска, из Свердловска и Алма-Аты, из многих других городов, фотографируются у здания своей школы, у Вечного огня, и встают в их воспоминаниях имена и даты, события, дни школьной жизни.

* * *

В те годы школа была для ребят вторым домом, огонь в ее окнах не гас до глубокой ночи. Что там творилось, что задумывалось? На лето сорок первого года планировалось грандиозное событие — велопробег Тюмень—Москва. Военрук Алексей Васильевич Кобелев прочитал в «Учительской газете» об отлично поставленной оборонной работе в 324-й московской школе. У Алексея Васильевича была мечта стать учителем географии, но после службы в армии красноармейца Кобелева направили в тюменскую школу № 1 учить ребят военному делу. Хоть о том и не рекомендовалось говорить вслух, но многие понимали, что война надвигается. И военрук методично гонял ребят на тактических

занятиях, не давал поблажек на строевой, был придирчив при изучении материальной части пулемета и винтовки. В подвале школы работали любимые ребята кружки — ПВХО и «Ворошиловский стрелок». Педагоги нет-нет да и ворчали: «Вы полагаете, самый главный предмет в школе стрельба из винтовки?». И он подумал, прочитав о московской школе: «Неужели у нас хуже?». Написал в Москву: «Вызываем на соревнование». Москва с ответом не задержалась: «Вызов принимаем!». Велопробег был задуман с тем, чтобы соревнование по солдатской выносливости, сноровке, по противовоздушной, химической обороне и по стрельбе было проведено в столице. Военрук наметил взять с собой лучших из лучших: Толю Федюнинского, Виктора Худякова, Фаю Кисву, Иду Злобину... Новый год по традиции ученики встречали в школе. И вот смолкла музыка, остановились танцующие пары, на сцену вышел завуч со своими старыми карманными часами на ладони, помедлил мгновение и, щелкнув крышкой,

поднял глаза на зал:
«С Новым годом, товарищи!
С новым счастьем!».
Они действительно были товарищами. Беспрекословность математика Хайновского обростала легендами, но и добрее, казалось, не было человека в школе. Учительница химии Варвара Васильевна Крапина по требовательности даже превосходила Петра Юлиановича, но ребят было не отлепить от нее, она всегда была среди них. Она не только руководила школьной самодеятельностью, но и сама участвовала в ней. Математик Евгения Андреевна Гончар в совершенстве владела своим предметом и методикой обучения, неоднократно получала благодарности от ведущих вузов страны за отличную подготовку абитуриентов, беззаветно отдавалась своей работе не только как предметник, но и как классный руководитель. Математик Мария Дмитриевна Капитонова вникала во все стороны жизни своих учеников. Они считали ее своей второй матерью. В военные годы она оставляла своих детей на попечение друзей и ехала со школьниками на уборку урожая в колхозы и совхозы области на длительное время. Очень добрый и внимательный человек историк Серафима Ивановна Кубасова. Ее скромность граничила с застенчивостью. Молодой преподаватель труда и физкультуры Павел Александрович Иоанидис не только в школе, но и во всем городе вел большую работу по своей специальности. Впоследствии он стал заслуженным учителем школы РСФСР. Самым ярким преподавательским талантом обладала Надежда Николаевна Семовских — учительница географии. На ее уроки ходили и учителя — столь образно, наглядно она подавала свой предмет... Петр Юлианович шелкнул крышечкой часов, поднял глаза на зал:
— С Новым годом, товарищи!
С новым счастьем!
Зал заплодировал, от счастья запрыгал на месте — юность то ропит время. Заиграл вальс, и пары закружились в новый, сорок первый год.



«Мне вспоминается старенький велосипед отца — единственный во всей Зареке. Отец давал мне на нем покататься. За мной тогда выстраивалась очередь моих друзей — каждому хотелось испытать, что это такое. Скучные были в те годы материальные возможности и у наших родителей, и у страны. Но мы жили жизнью, наполненной до краев делами, планами, чувствами: первые пятилетки, гражданская война в Испании, челюскинцы, полеты наших летчиков через Северный полюс, бои у Халхин-Гола и озера Хасан. Я занимался в музыкальном кружке и шахматами. Мои друзья — в драматическом. Выступали с концертами на предприятиях, в селах, ездили на смотры самодеятельности в Новосибирск, Омск, Свердловск, много времени отдавали физкультуре. Заводилой спортивных дел у нас в школе был Виктор Худяков. Когда старшие наши друзья комсомольцы готовились к X съезду ВЛКСМ — это 1936 год, — мы, пионеры, решили подготовить свои подарки.

Построили педальный автомобиль, начали сдавать нормы на значок «Юный ворошиловский стрелок», пошли работать с октябрятами». (Из воспоминаний Николая Константиновича Моношкина — одного из тех, кто встречал Новый, сорок первый, год в ту ночь в актовом зале первой тюменской школы).
«Я со своими пионерами провела два похода на плотках по реке Пышме. Сколько тут было романтики! В пионерский лагерь к нам приходили Валентин Филатов, Виктор Худяков, Владислав Хилькевич — за тридцать километров пешком, покупаться и порыбачить. Тогда было большое половодье. У меня в отряде заболела девочка. Владик Хилькевич вплавь, держа в одной руке свою одежду, отправился за градусником в деревню Онохино — не менее двух километров. Таким же образом плыл обратно. Тем же летом наш 10 «б» совершил переход на плотках Тюмень—Тобольск, зимой — лыжный переход Тюмень—Ялуторовск...». (Из воспоминаний Натальи Андриановны Тарасовой).
Июнь. Выпускные торжества.

Гулянья в Гилевской роще. Надежды и планы. Распахнутое будущее.
22 июня поздно ночью Петра Юлиановича вызвали в горком партии, приказали срочно эвакуировать первую школу на базу двадцать пятый, освободить здание под госпиталь. Первой школы не стало. Ныне ее номер принадлежит другой школе, а здание — университету.

* * *

В Тюмень пошли треугольники солдатских писем. И первый их адресат — мамы.
«13.8.42. Здравствуй, дорогая моя мама и Тома! Наконец, нахожусь на фронте, через несколько минут едем на исходную, там буду 1-2 часа и в бой... Понесу гибель на своей тязелой машине, смерть немецким ордам! ... (густо вымарано военной цензурой — А.В.) перешел в наступление, смотри по газетам! Немцы несут большие потери. Пишу под грохот, бомбежку самолетов... Вверх летят немецкие

блиндажи, проволочные заграждения, наши перешли в наступление!.. Машины готовы, люди ждут боевого приказа. В моем распоряжении очень мало времени, поэтому я пишу очень кратко... Обо мне не беспокойся. Я пока ничем не обижен. Всегда сыт, одет, обут. Воспитываю, обучаю людей, которых мне вручило командование. От папы пока нет ничего... Передавай привет знакомым преподавателям, привет Томе. Крепко целую. Ваш сын Владимир».

Владимир с детства мечтал стать военным, вступить в отцовское стремя, как он любил говорить: отец в конце двадцатых годов командовал кавалерийским эскадром. Но Владимира влекла боевая техника, еще до выпускных экзаменов он послал запрос в Ленинградское Краснознаменное артиллерийское училище имени Красного Октября: может ли быть в него зачислен? И получит ответ: может. Но в военное время во внимание берутся лишь потребности войны. Владимир Могилев был направлен в Ульяновское танковое училище имени В.И. Ленина. Владимир писал это письмо матери и сестре перед первым своим боем, не зная, что первый бой для него будет последним.

...«23 февраля 1942 года. Здравствуй мама! Вот уже месяц, как я на фронте... С опозданием, правда, но поздравляю тебя с 41-й годовщиной твоего рождения. Желаю прожить еще десятка три-четыре и 42-ю годовщину встретить со всеми членами нашей семьи. Я живу хорошо... Слушаем разрывы снарядов и дробь очередей. В общём, весело... Надеюсь, скоро после победы, встретимся и опять заживем хорошо и дружно. Это уже не так далеко... крепко всех целую. Ваш Виктор».

Виктор Худяков мечтал стать летчиком. В 9-10-х классах занимался в авиационном кружке при аэроклубе. Но та же военная необходимость сделала его курсантом Томского артиллерийского училища. В феврале 1942 года он прибыл в 332-й артиллерийский полк, в его рядах освобождал Оршу, Минск, Литву, Польшу, участвовал в боях на территории Восточной Пруссии.

«9.8.43... Сейчас у нас бой. Время напряженное. Писать особенно некогда. Но не писать я, конечно, не могу. За два дня подавил 4 батареи,

1 минометную батарею, 2 ручных пулемета. За это получил орден Красной Звезды прямо на поле боя...».

«14.1.44. Пишу тебе письмо, не дождавшись ответа. Что-то уже несколько дней от тебя нет писем. Уж не больна ли? Ну я живу хорошо. Присвоили мне новое звание — капитан, а ты все пишешь лейтенант да лейтенант...».

«5.8.44. Как ты уже знаешь, у нас произошли большие изменения. Я сейчас воюю в Польше. Скоро войдем на территорию Германии. Здоровье и настроение хорошее, представлен к третьей награде. Как там у вас идет жизнь?».

В августе 1945 года Валентина Ивановна получила письмо из той же войсковой части 06535, но уже не от сына.

«...Командование и личный состав извещает вас о присвоении вашему сыну Виктору Леонидовичу посмертно звания Героя Советского Союза (Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 29 июня 1945 года).

Десятый «А», десятый «Б», десятый «В» — три десятых класса сорок первого года.

— Сколько ушло в сорок первом?

— Сорок два.

— А сколько вернулось?

— Двадцать три.

Им еще повезло. «...Их, рожденных в 1922-1925 гг., вернулось с войны лишь трое на сотню» («Правда» от 16 августа 1979 г. «По праву памяти», В. Быков). Ученики десятых классов первой тюменской — это 1923-1924 г. рождения.

Им еще повезло.

Но приходит Миша — Михаил Григорьевич Абрамов, один из этого выпуска, — раскрывает тетрадь со скорбным списком, и не поворачивается язык произнести эти слова: «Им повезло».

Эти имена будут выбиты на памятнике выпускникам первой школы, погибшим на фронтах Великой Отечественной.

Десятый «А»:

Андреев Михаил
Волков Виктор
Казанцева Вероника
Коверко Николай
Липкович Лазарь
Могилев Владимир
Сысолятин Валентин.

Не у всех прослежен фронтовой путь до последней черты. Медсестра Вероника Казанцева была расстреляна с самолета при

нападении фашистской авиации на ее госпиталь.

Воздушный стрелок Лазарь Липкович погиб в бою. Он мог не идти в этот полет, его самолет только что вернулся с выполнения боевого задания, но в другом экипаже заболел товарищ, и он занял его место.

Так лейтенанта Владимира Могилева был подбит, командир приказал покинуть поврежденную машину, но Владимир не вышел из боя. В Тюмень к его матери, Анне Тимофеевне, вслед за извещением-похоронкой: «Ваш муж, майор Могилев, пал смертью храбрых...» — пришло: «Ваш сын, лейтенант Могилев, пал смертью храбрых...».

Десятый «Б»:

Билас Игнат
Глумов Владимир
Марандин Аркадий
Сапожников Павел
Хилькевич Владислав
Худяков Виктор.

Первого февраля 1945 года капитан Худяков в Восточной Пруссии провел свою батарею через двенадцатикилометровую полосу прорыва, его батареяцы поддерживали пехоту, действующую во вражеском тылу. Противник перешел в контрнаступление, восемь суток батарея Худякова отбивала непрерывные атаки. Получив приказ на выход из окружения, капитан целые сутки вел батарею через огневой заслон врага. Перед самым передним краем она приняла еще один бой. Он оказался последним для ее командира... «21 марта 1943 г. Южный фронт. Здравствуйте, Эдуард Карлович! С приветом к вам товарищ Владислав по училищу и фронту Попов Алексей. Написанное будет слишком тяжелым... Владислав, к сожалению, вы больше не увидите... Мы, автоматчики, разбились на две группы. Я попал в левую группу, Владислав — в правую... К ночи мы с трудом выбрались к нашей части, а группы, которая свернула вправо, не было... На следующий день (11.1.43) мы с боем заняли хутор Костыровичский... Везде валялись трупы фрицев, среди трупов был и наш убитый товарищ... Я спустился в балку. Здесь лежали трупы наших автоматчиков. Среди них лежал Владислав...». Такое

письмо 16 мая 1943 года получил отец Владислава Хилькевича.

Десятый «В»:

Базилевич Мстислав
Злобин Владимир
Печенкин Борис
Сивкова Роза
Топорищев Илья

Роза Сивкова вернулась в Тюмень с фронта больная тяжелой формой туберкулеза. Товарищи считают ее погибшей на войне. Илья Топорищев тоже умер в Тюмени, но от фронтовых ран. В списках погибших нет Бориса Сергеевича Неволлина. Но вот что писал 3 сентября 1944 года майор М. Елизаров в тюменскую газету «Красное знамя»:

«Дорогие товарищи! Вот уже четвертый год идет война...

Сегодня, в праздник

Международного юношеского дня, я хочу рассказать вам о славной боевой жизни нашего земляка — Бориса Неволлина.

Это было в дни горячих боев... Мы занимали оборону. Утром услышали шум моторов — снова шли фашистские танки. Мы поползли навстречу железным чудовищам. У переднего края встретили истекающего кровью разведчика Бориса Сергеевича Неволлина — уроженца города Тюмени. Мы перевязали ему раны и предложили отправиться в медсанбат. Но юноша решительно отказался...

С ревом и грохотом приближались танки. Подпустив головной на близкое расстояние, сибиряк метнул гранату под его гусеницы. Танк остановился... При приближении второго разведчик снова швырнул гранату. Пули изрешетили грудь героя. В кармане его гимнастерки мы нашли рапорт командира роты, залитый кровью...».

Из рапорта Б.С. Неволлина командиру роты: «...Сегодня, часа в два ночи, мне удалось засечь четыре огневые точки противника, поджечь танк, который стоял у обочины шоссе на окраине деревни, и взять в плен немца-танкиста... Мой напарник Шарков убит, а мне пробило ноги. Пленный поднял крик, когда меня ранило, и пытался убежать к своим, но я не допустил этого, пристрелил мерзавца. Перевязал раны, а кровь все равно бежит ручьем. До меня доносится шум моторов. Значит, идут немецкие танки, в деревне их стояло штук десять. Попробую

уползти в канаву и угробить еще один...».

* * *

Наконец, она кончилась, эта война.

Вернулся с войны военрук первой тюменской школы Алексей Васильевич Кобелев, осуществил свою мечту — стал учителем географии. «Тогда считать мы стали раны, товарищей считать». Он-то вернулся, а кто вернулся из его учеников? И каким вернулся? «Дорогой Алексей Васильевич! Крайне благодарен вам за ваше письмо, за то, что вы разыскали меня!

...Попал я на войну в самое пекло. Как мне помогли навыки и закалка, полученные от вас! Прошел я с боями Калинин, Осташково, Нелидово и город Белый. Около года в непрерывных боях. Зимой — в лыжном батальоне, а весной и летом — в минометных частях. Много погибло хороших друзей и товарищей. В октябре 1943 года оторвало мне стопу правой ноги и тяжело контузило. Несколько месяцев был совсем слепой и глухой. Ох и трудно же было, дорогой Алексей Васильевич!

...После госпиталя я приехал к старшей сестре в город Талицу, здесь и остался. Окончил курсы главных бухгалтеров, 32 года работаю в Талицком леспромхозе. 8 лет был на комсомольской работе, около 3 лет был вторым секретарем РК ВЛКСМ.

Так что ваш воспитанник Толя Федюнинский не искал легкой жизни, а как был патриотом своей Родины, так им и остался...». Федюнинский — не простое совпадение фамилий, он племянник прославленного полководца, генерала армии И.И. Федюнинского. Иные письма опровергали официальные сообщения, и учитель облегченно вздохнул: «Вот счастье-то, и Боря жив».

«Дорогой Алексей Васильевич! Описываю свою жизнь, как вы просите. Сразу же после школы подал заявление в Тюменское пехотное училище. В конце ноября 1942 года отправили нас на фронт. Определили в 20-ю гвардейскую пехотную дивизию. Я сам попросился в дивизионную разведку.

Весной 1943 года нас перебросили на Юго-Западный фронт. Я возглавил группу по захвату «языка». Бесшумно провести эту операцию не удалось... В нашей

части посчитали меня погибшим и выслали домой похоронку...

Так вот с тем «языком» и оставшимися у меня разведчиками мы направились к линии фронта, чтобы попасть к своим... Вышли в расположение войск Людвиг Свободы, передали «языка», куда следует, и остались у Свободы. 8 марта 1943 года мы были атакованы мощными танковыми дивизиями СС. Мне удалось подбить и поджечь два тяжелых танка. В этом же бою меня тяжело ранило. Пуля, пробившая грудь, продырявила и комсомольский билет, лежавший в кармане гимнастерки... Меня посчитали убитым и даже решили похоронить в братской могиле (а домой опять послали похоронку). Я лежал сверху, и меня не успели засыпать землей, потому что немцы перешли в наступление. Потом их снова отбросили, меня нашли женщины из ближайшего села. Они отвезли меня в медсанбат и рассказали, как обнаружили, что я жив: оказывается, я закричал от боли, когда ворон стал клевать мне лицо. Следы эти у меня до сих пор есть. А кто я и откуда — никто не знал. Сам я о себе ничего не помнил после контузии. Назвали меня Володей, стали возить по госпиталю... Повезли в Иркутск, но по дороге я заболел, и меня выгрузили в Тюмени. Несколько месяцев я лежал так, не ведая, что мама моя совсем рядом, через два квартала. А она к этому времени получила две похоронки, письмо от генерала, где рассказывалось, как я погиб и где похоронен. Но однажды меня посадили в постели, я выглянул в окно. Увидел реку Туру, мост и вспомнил, как я купался здесь мальчишкой. Позднее вспомнил свою фамилию, адрес и попросил, чтобы сходили за мамой. Она пришла... Через два месяца меня на носилках выписали домой. Заново учился ходить. Поступил в МГУ на геологический факультет — это была моя мечта, — стал геологом. Открыл одно месторождение нефти и одно золота. Написал около ста научных работ, несколько книг. Недавно получил письмо с Камчатки. Там один пионерский отряд носит, оказывается, мое имя... Борис Неволлин, 1979 год». Госпиталь размещался в бывшем Тюменском учительском институте. Оказался жив и Валентин Филатов, которого однополчане посчитали убитым...

Однажды счастливым июньским днем выпускники средних школ Тюмени, по традиции пришедшие к монументу Славы почтить память погибших воинов, встретили у Вечного огня молчаливую группу пожилых людей при боевых орденах и медалях — участников очередной встречи огненного, как они называют сами и как понимают, выпуска сорок первого года.

товарищей называют улицу, школу, пионерские дружины, в мастерской скульптора работает памятник.
«Миша, здравствуй! Получил твое письмо с доброй вестью о создании комнаты-музея и установке обелиска нашим павшим ребятам из «огненного 41-го»... Я готов подключиться и принять участие. Большой привет Петру Юлиановичу.



*Мы пишем неумелые стихи,
Нам хочется в них выразить
всю нежность...
К товарищам, что были так
близки,
Они остались вечно молодыми.
И лица их такими помним мы,
Когда возникнут образы из
тьмы
И прозвучит опять родное
имя...
И, вспоминая школьные деньки,
Мы пишем неумелые стихи.
И не писать их все-таки не
можем...
(Быть может, настоящий был
поэт
Тот, кто ушел, кого меж нами
нет).*

Ирина Николаевна Сушкова из этого выпуска. Это ее стихи. Ею реально ощутимо отсутствие рядом дыхания товарищей школьных лет.

*И хотелось, чтоб в день
весенний,
Под немолкнущий птичий свист
Им от имени поколений
Мы поставили обелиск.
Надо сделать простую надпись,
Чтоб вовеки не стерлась она...*

Их дружба, их память потребовали овеществления, чтобы проходить через годы и поколения, преодолеть время. Они идут, куда нужно, кого нужно находят. И уже именами их

Обнимаю. В. Филатов, Алма-Ата, 1987 год».
Миша — это Михаил Григорьевич Абрамов. Он таких писем получает много. Мнением о проекте памятника он обменивается с И. Сушковой.

*Очень хочется в день весенний,
Под немолкнущий птичий свист
Нам увидеть напротив школы
Строгий памятный обелиск.
Тут немного будет работы,
И хотели бы я и ты,
Чтобы не было позолоты,
Были только сталь и цветы.*

Они вообще пишут много стихов, стихотворных посланий друг другу, они — нынешние пенсионеры, бабушки и дедушки: бухгалтеры, учителя, врачи, полковники авиации и милиции.
Владимир Могилев писал своей однокласснице Маргарите Зайцевой: «Я верю: пройдет время, кончится война, и мы обязательно встретимся. В бой пойду во имя нашей дружбы, во имя Родины!». Война кончилась, но они не встретились.
И все-таки встречаются. Пионерская дружина Мальковской средней школы Тюменского района носит имя Владимира Могилева. Друзья погибшего товарища бывают там.

Первая встреча выпускников сорок первого года состоялась в 1947 году. Ее организатором был Евграф Павлович Шелковников, которого нынче нет в живых. Не стало и Николая Константиновича Моношкина. До срока оборвала их жизнь война, ее последствия. В Центральном музее Вооруженных Сил СССР хранится комсомольский билет № 832698 Николая Константиновича, пробитый осколком мины, — он несколько миллиметров недодел до сердца владельца билета. Нынче их службу несут Михаил Григорьевич Абрамов и Наталья Андриановна Тарасова. Михаил Григорьевич призван в армию в октябре 41-го, служил на Дальнем Востоке до 43-го, а затем до конца войны готовил для фронта снайперов. После войны получил высшее техническое образование. О Наталье Андриановне Тарасовой в военные годы рассказывает справка, выданная Тюменским облвоенкоматом в 1969 г.: «Дана лейтенант в отставке Тарасовой Наталья Андриановна... в том, что она действительно проходила военную службу во 2-й авиаэскадрилье 3-й школы летчиков ВВС ВМФ в должности летчика-инструктора и имеет общий налет 1104 часа 34 минуты, 3707 посадок...». После войны она окончила Уральский университет, историк.

Да, война объединила этих людей узами прочнее родства. Только правда и в том, что в годы перед войной они уже были связаны ими... Подполковник авиации Валентин Стельмах своей учительнице Марии Дмитриевне Каштановой: «...Получил ваше письмо с газетой. Благодарю. Уже прошло три недели с того дня, как мы разъехались из Тюмени, однако до сих пор события тех трех дней остаются в памяти. Я посещаю сборы выпускников Академии, бываю на юбилейных праздниках авиационного полка, но должен сказать, что такого яркого впечатления, как на вечере в Тюмени, я никогда еще не получал. 40 лет — это срок огромный в жизни человека. За это время все мы изменились, но сознание не захотело этого признавать, и мы встретились, как будто не было этих сорока лет. При этом остро ощутили возвращение в свою молодость — тревожную, но прекрасную. То обстоятельство, что все 40 лет во всех нас живет потребность видеть друг друга и поддерживать отношения, наводит

на размышления: чем объяснить такое феноменальное (иначе не назвать) явление? Ответ прост: вам, нашим учителям и воспитателям, удалось создать такой крепкий, спаянный дружкой и общими жизненными установками коллектив, который сохранил свои связи все эти прошедшие 40 лет. Конечно, при этом следует учесть, что оказала свое закрепляющее влияние обстановка начала войны, к которой, опять же благодаря вам, нашим воспитателям, мы оказались морально готовы...».

«Огненный выпуск» первыми своими устремлениями по

увековечиванию памяти погибших был сосредоточен на самом себе. Но благородство дружбы расширяло границы их внимания, и в тетради Михаила Григорьевича стали появляться страницы:

1942 год:
Афонин Леонид
Бусыгин Валентин
Баженов Юрий
Гирев Юрий
Кашин Николай
Новиков Владимир
Стуков Александр
Шадрин Александр
Шеховцев Василий..!

И 1943 год имеет свою страницу, и годы предыдущие — 1940, 1939, 1938... до 1930. Сама собой приходит мысль: надо ставить памятник выпускникам всех школ города — один. Им на всех нужна была одна Победа. Они за ценой не постояли.

В мастерской художника на мраморную доску набивается еще 48 фамилий. Они присоединятся к тем, что уже имеются на памятнике.

А. Васильев.

Репортаж четвертый

Се-Яха

...В одном чуме жили три маленьких брата. Одного звали Маленькая Железная Шапка, другого — Маленькая Железная Рукавичка, третьего — Маленький Железный Пим...

Слова из пенецкой сказки

В ненастье сумерки приходят рано, незаметно. Серые клочья низкого неба и уходящая за горизонт губа темнеют последними. Ночь наступает с земли... С первыми огнями на рейде я отыскал катер лихтера «Явай», который, как обещали в Салехарде, пойдет на Се-Яху.

I

— Меня поведет буксир «Озерный», — сказал на ходу шкипер «Явая». — Я вас доставлю прямо туда. Будем знакомы. Зовут Митя, фамилия Бобкин. В Москве бывали? О нашумевшей истории с генералом Бобкиным что-нибудь слышали? Мой отец, между прочим...

Я не раз встречал этого человека на пирсе геологов Мыса Каменного. На вид ему было лет сорок-сорок пять. Худощавый, высокий, сутулый. Длинные седые патлы, пустой взор выпуклых и выцветших уже серых глаз, заостренный красный нос в синих прожилках. Одет в форменный китель речника, белую, давно немытую сорочку и узкий канареечный галстук на резинке. Из-под светлых коверкотовых брюк торчали грязные ботинки-прогары, какие



носят мотористы флота. С окружающими, в основном грузчики и матросы, заносчив, груб, то и дело без надобности поправляет их речь, поучает, когда об этом никто не просит. Считает, что реплики его смешны, остроумны. «Выдан» одну из них, умолкает, ждет, когда засмеются. Не дождавшись, язвительно сплевывает оскорбление и тут же

забывает свою оплошность, ослит и ослит еще... Однажды я видел, как он делил рыбу, которую матросы выменяли на что-то у рыбаков. Рыбы было много. Целый мешок. Ее высыпали на пирс и обступили со всех сторон. Каждому не терпелось получить свой пай, и вскоре доставить его на судно, вручить коку и будто бы между прочим сказать: «Тетьмаш, к ужину. На всех. Мол, Котька добыл...». Почему делил именно он? Может, потому, что привезли добычу на том же катере, которым мы отваливаем теперь от пирса и направляемся в губу на внешний рейд. А может, и потому, что держался

Бобкин таким «паханом»-вожаком. Как знать... Вот входит он в круг, присаживается на корточки и длинными трясущимися пальцами начинает раскидывать рыбешку по кучкам. Оставшуюся, ту, что крупнее, накрывает мешком. «Эту хадость (вместо «г» он говорил «х», «ха») я возьму себе», — сказал, не вставая, не отнимая пахучих рук от влажного мешка...



... Мы шли, приплясывая на встречной ряби, с губы тянуло свежестью, спускалась ночь... И все бы хорошо, но Бобкин... Стараясь пересилить рев мотора, он что есть мочи выкрикивал мне на ухо про прежнее свое московское житье-бытье, про девочек и «пани шампани», про «литринститут» (так называл он литературный институт им. А.М. Горького), куда «попал» по протекции известного писателя и где «проболтался года два»... Потом про юридический и «Плехановку», про место «старшего, заметьте себе» таможенного инспектора в Рижском торговом порту, про рестораны, «поплавки», «подковы», про пляжи, «баб оптом и в розницу», про «нашумевшее дело валютчиков», про суд, про срок, который «тянул» в Лабьтнангах, про то, как досрочно «откинулся», но все еще «пораженец», а значит, не прыгнешь выше шкипера на старой сухогрузной барже, которую зачем-то именуют лихтером... Не чаю, как добрался до «Озерного». Стуку о борт буксира обрадовался, как избавлению от тяжкого сна. Нас окликнули сверху и тут же подвели к низко сидящей корме.

II

В половине пятого разбудил вахтенный матрос:

— Се-Яха!

Выскакиваю на палубу «Озерного» — туман. Пока матросы снаряжали рейдовый катер, продрог до костей — лютый холод в губе ранним утром. Капитан Антонов пожелал счастливого пути и крепко пожал руку:

— За рулевого пойдет шкипер «Явая» Бобкин. Вы с ним знакомы. Не прошло и десяти минут, как на нашем пути, словно сказочное привидение, вырос сетчатый в тумане корпус танкера.

— Стоп машина! — скомандовал сам себе шкипер и, глянув поверх брезентового тента, не без злорадства заметил: — Обсох танкерок-то. Не зная броду, не суйся в воду...

Это замечание в равной степени касалось и капитана танкера, и нас.



Пока добрались до спрятанного за мысом причала, три раза «хватали мяляка», по выражению Мити Бобкина, причем последний раз так «глухо», что пришлось прыгать за борт и сталкивать катерок с мелководья. Надо сказать, что это мероприятие очень не нравилось Бобкину. Он громко ругался, угрожал всем и вся, включая самого министра речного флота... Но

стоило слегка прикрикнуть на него, как разом умолкал, суетливо отыскивал сапоги и, надев их, неуклюже сползал за борт... Ошвартовались у «Беломорского-7». — Интере-е-есное дело, — протянул капитан Морозов, узнав от Мити, кто я такой и зачем пожаловал. — Займите каюту второго, потом разберемся. Постель вам сменят. Ложитесь. Надо добрать. Рано еще...

III

«Добирать», как советовал капитан, не хотелось. Полчаса побродил по спящему еще поселку, отыскал высокий бугор над Се-Яхой, присел, чтоб осмотреться. Подо мной, насколько хватало глаз, тянулась однообразная, тусклая в предрассветном тумане тундра... Из всех путешественников, когда-либо писавших о ней, лишь у Павла Крузенштерна я нашел упоминание о том, что его спутники, утомленные многодневным переходом по льду от затонувшей шхуны «Ермак» до полуострова, увидели, наконец, «красноватые песчаные утесы высоких берегов Ямала...». Другие авторы, напротив, отмечают в основном низкие берега и высокую заболоченность. Вот что пишет,

например, Ф. Нансён: «Скоро показалась эта низменная страна... Ах, как она пустынна и уныла... Мы зашли далеко вглубь, но и здесь не встретили ничего, кроме озер, отделившихся друг от друга низкими перешейками...». Что манило в эту печальную тундру «охочих людей да детей боярских»? Легенды о золотых россыпях зауральской Сибири, что звалась

когда-то «Малой Индией»? Дорогие меха? А может, госуды тогдашних географов, убежденный в том, что у истоков Оби зи яет большое китайское озеро, а рядом с ним столица Китая — золотой Кумбалик? Или и м не давала покоя

полуостров е колхоза «Красный Ямал» Око это Нёлико, которому, по словам ф ельдшера местной участковой с ольницы, недавно исполнилось 78 лет, слабо владеет русским языком. В беседе участвовал ра бочий совхоза «Ямальский»

вновь за три лета до организации Тамбейского ППТ (простейшее производственное товарищество образовано в 1934 г. — Л.С.). Тогда в нагорной части нынешнего поселка стояло пять домов: два здания школы, фактория, баня и жилой барак.

Нёлико говорит: в 1938 году (это он хорошо помнит) в поселке создали рыболовецкую артель «Передовик» Новопортовского рыбозавода. На другое лето она стала колхозом «Красный Ямал». В 1944 г. на пригорке неподалеку от хальмера (кладбища) поставили маленькую метеостанцию. Позднее, когда в Тамбее был районный центр (1944-1947 гг. — Л.С.) и рыбозавод, в Се-Яхе организовали участок этого завода.

В настоящее время в поселке более тысячи жителей. Здесь собственный торговый центр, участковая больница, средняя школа-интернат. С 1961 года в Се-Яхе находится центральная усадьба совхоза «Ямальский».



неутолимая жажда русского человека пощупать тайну своими руками, и они шли через «страну мрака и холода» «встречь солнцу», а порой — неминуемой гибели... Где покоятся останки стругов твоих, «московский гость Лука со товарищи»? Ты первым в конце ХУІ века добрался до западных берегов Ямала и обогнул безмянные тогда острова Шараповы кошки. Мы не знаем, что стало потом с удалыми твоими «товарищи», зато отлично знаем — проторенным тобою путем поморы на кочах прошли знаменитым «мангазейским ходом» из Двины до Таза через Ямальский волок.

Как пишет один из первых исследователей этнографии ямальских ненцев Б.М. Житков, волок тот пролегал от залива Мутный Шар по правому рукаву реки Морды-Яха до озера Нейто, затем по «суху» до соседнего Ямбуто и опять таким же образом до Луци Хамато (озеро, где погибли русские). Дальше — по зеленым волнам Се-Яхи в Обскую губу, а там — рукой подать до «златокипящей Мангазеи»... Поморы называли тебя зеленой, Се-Яха. Ты и впрямь зелена сейчас, когда улегся туман и солнце кинуло серебряный мост к желтым ступням моего бугра...

ІУ

Старейший охотник, в прошлом первый председатель первого на

Леонид Николаевич Око то. Нёлико говорит: в лето, кгда открыли мурлавку в Яр-Са ле (торговая точка открыта вес ной 1927 г. — Л.С.), на месте теперешнего поселка Се-Яха (по-ненецки Песня-река) бы то пусто, а на мысу Тибей-Наду второе лето стояли две палатки 1, в

У

Не трудно представить школу в канун нового учебного года. Где бы она ни находилась — в большом городе или крохотном поселке, — везде 31 августа вы встретите



которых жили шестеро русских — две женщины и четверо мужчин. Все они ходили в высоких кожаных сапогах и ловили рыбу. Но не заготавливали ее впрок, как это делают ненцы, а только резали. Товаров у них было мало, но табаком и чаем они охотно делились с ненцами. На третье лето они ушли на двух лодках вверх по Обской губе. Нёлико говорит: потом долго не бывал в этих местах и приехал

изм ставшегося вконец директора, которому так и не хватило двух дней, и вдохнете аромат свежескрашенных полов и парт, прочтете лозунг на кумаче:

«С праздником, дорогая детвора!». Как раз такой была С еяхинская школа-интернат утром 31 августа. К сказанному добавим: учителя не только бранили ст роителей п е того управления треста Ямалгаз строй, что

находилось тогда в Лабитнангах), «...проволынили лето, вот и приходится новый учебный год встречать в старой школе...»; молоденький директор Владимир Александрович Ульданов нес на кухню тяжелую помпу для закачки воды и, прежде чем поздороваться, долго растирал затекшую в суставах кисть руки; «дорогая детвора» дружно похрапывала в интернате.



Впрочем, спали не все. Ученица седьмого класса Валя Окоэтэто (по школьной традиции старшеклассники шефствуют над новичками из подготовительной группы) на цыпочках обошла «своих нулевичков» и остановилась у трех сиротливо белеющих кроватей:

— «Этих» пока нет. «Они» еще в тундре, — шепотом пояснила она...

VI

— История нашей школы, как и всех северных школ-интернатов, — лекторским тоном заговорил Владимир Александрович, едва мы добрались до учительской, — началась в тот памятный день далекого теперь уже 1925 года, когда комитет Севера при Президиуме ВЦИК признал необходимым создать культбазы для национальных меньшинств Крайнего Севера. При культбазах, были школы-интернаты с бесплатным обучением и содержанием детей... Знаете, я как-нибудь потом продолжу, подготовишек у меня нет... Тройх... Надо искать. Извините, поспешу к Лачевичу.

В кабинете председателя поселкового Совета Николая Лачевича Окоэтэто — густое смешение лиц и одежды, всех покроет заплывшие оленеводов, кожаные

куртки пилотов, спецовки рыбаков, пальто учителей. Идет заседание исполкома. На повестке дня один вопрос — где искать детей? То есть где в данный момент касаются, охотятся или рыбачат их родители? Я забыл сказать о том, как полетели «Молнии» в район и района, как летчики, у которых «оставалось пять минут до саннормы», не ушли на Каменный,

а включились в общую кампанию; как в кабинете Окоэтэто поминутно хлопали двери — едва ли не каждый житель поселка считал своим долгом высказать собственные суждения. Карта пилотов ходила по кругу, в нее наперебой тыкали пальцами — всяк отстаивал свое. — Хватит! — не выдержал Окоэтэто. — Полечу сам, однако. Родители зовут ее Лэбне, что значит Родинка. Мы нашли ее в чуме у озера Халито. В августе, когда собирали школьников, она с маленьким братцем ушла в тундру за морошкой. Лэбне Окоэтэто — смелая и бойкая девочка. Правда, когда ее подсаживали в кабину вертолета, она немножко струсил.

В этот миг я вспомнил осень 1967 года, такой же непогожий, как сегодня, день, речку Яхады-Яха, вблизи которой сел наш вертолет, и семилетнюю Валю Окоэтэто. Она ни за что не хотела улетать от родителей, плакала при слове «школа» и отбивалась от нас, как могла, словом, так походила она на сегодняшнюю Лэбне... У меня сохранился снимок, на нем — отец Вали и охотвед совхоза «Ямальский» Константин Алевич Вануйто (он Герой Социалистического Труда, весьма уважаемый человек в поселке) «провожают» Валю к вертолету.

Прошло два года. Я в новь наведаясь в Се-Яху, побывал в школе и с трудом узнал в прилежной второкласснице ту прежнюю Валю Окоэтэто, которая так не хотела лететь в поселок и поступать учиться в школу. А вчера директор Владимир Александрович попросил меня сфотографировать для школьной Доски почета отличницу учебы, семиклассницу Валю Окоэтэто вместе с ее любимой учительницей Лидией Дмитриевной Окоэтэто. Я с удовольствием выполнил эту просьбу, а позднее, на уроке русского языка, сделал еще один дубль: Валя читала Пушкина.

— Куда теперь? — второй пилот достал из планшетки сложенную гармошкой карту.

— Тут полетим, — накрыл указательным пальцем мыс Хэ-Сале наш проводник Окоэтэто. Я давно мечтал побывать на самой северной точке Ямала, где в апреле 1828 года первый географ полуострова шторман И.Н. Иванов встретил радужный прием у ненцев из рода Окоэтэто. Гостеприимные хозяева подарили путешественнику фигурки деревянных божков. «Мыс шайтанов» — так окрестил Иванов это место.

Представьте себе свинцовый под серым небом кусок Карского моря, твердую песчаную отмель, границу прилива в виде громадных коряг, напоминающих останки сказочных динозавров, несмолкающий гул прибой. Это и есть Хэ-Сале. Где-то там, к западу от нашей косы, за дельтой напористой Яхады-Яхи лежит мыс Головнина, следуя которым все тот же Иванов набрел на конусообразный знак Малыгина и Скуратова, поставленный ими во время Великой северной экспедиции 1735 года. Отважные мореходы первыми достигли северной оконечности «края земли». Их именами названы два мыса и пролив, отделяющий от материка остров Белый.

— Ненцы говорят «Сэр-о» — Ледяной, — заметил Окоэтэто. — ...Откаслал Няйву, однако. Увез мальчишка. Там искать будем, Вэну-Яха.

Мы повернули назад к вертолету. Пилоты уже поджидали. Несколько минут ушло на уточнение маршрута, и вот под нами потянулась опять однообразная, утомляющая глаза ямальская тундра.

Часа через полтора я обратил внимание Николая Лачевича на

холм из олених рогов, который принял за так называемое «святое место».

— Нет, — сказал Окотэтто, — это так, для ориентира. Скоро чум Сэротэтто Няйву.

Действительно, над нами метнулось оленье стадо, и на пологом берегу речушки выросло два крытых по-летнему чума. Приземлились. Николай Лачевич о чем-то переговорил с хозяевами и вернулся сердитым:

— Нету мальчика, — сказал он. — Няйву увез мальчика в тундру. Недалеко ушли нарты старого Няйву. Мы скоро заметили их и «для профилактики» дали круг на бреющем полете. Гул Ми-4 сделал строптивного старика смиренным и покладистым. Он отбросил в сторону хорей, т.е. длинную палку, с помощью которой управляют оленьей упряжкой, спрятал руки на груди под малицей и молча указал подбородком на малыша, сидящего рядом, — вон, мол, забирайте, если надо.

Когда мы провожали мальчика до вертолета, Няйву не отставал ни на

шаг. Прощаясь, он украдкой сунул внуку сухую баранку и заявил, что останется при своем мнении:



ученых полный Салехард, но никто не хочет пасти оленей...

Поиски третьего «нулевичка» стоили тоже немалых хлопот. Мы садились в стадах и урочищах, выслушивали массу всевозможных адресов и примет, но так и вернулись ни с чем. — Послеполетную по форме, — предупредил командир техника. — Завтра полетим опять...

Л. Седов.

На снимках:
поселок Се-Яха;
идет заседание исполкома, в центре — Н.Л. Окотэтто;
песня над рекой;
Валю Окотэтто «провожают» к вертолету;
она уже второклассница (снимки 1967-1969 гг.);
под нами — стойбище;
мыс Хэ-Сале, безвестные кресты первопроходцев.

Фото автора.

Миниатюры истории

12 октября 1928 г.
Обторгу, Окрторготделу, Союзхлебу, Уралбазе,
Окрселькредсоюзу, орготделу

Выписка из протокола № 72
заседания Президиума Ишимского Округного
Исполнительного Комитета от 5/Х-28 г.

Слушали:
Параграф 3. План поступления гарнцевого сбора и
мероприятия по упорядочению его взимания (Докл.
т. Трошев).

Постановили:
1. Намеченный Окрторготделом план поступления
гарнцевого сбора по Округу в 1928/29 г. утвердить в
200000 пуд.

2. Принять к сведению, что в первом квартале
текущего заготовительного года гарнцевого сбора
поступило 50785 п., т.е. 145% против
намечавшихся по плану на квартал 35000 пуд.

3. Признать необходимым взимание гарнцевого
сбора передать кооперативным организациям,
однако, впредь до дальнейших указаний области,
взимание его оставить за аппаратом Союзхлеба.

4. Самостоятельное расходование гарнцевого
сбора мельничным предприятиям запретить.
Поручить Окрторготделу виновных в расходовании
гарнцевого сбора привлекать к ответственности.

5. Поручить Юридической части Орготдела
Окрисполкома дать свое заключение по тексту
договоров, заключенных Союзхлебом с частными
держателями мельниц на сдачу ими гарнцевого
сбора, внося в договорные условия большую
ответственность держателей частных мельниц за
сдачу гарнцевого сбора.
Подлинный за надлежащими подписями.

Выписка верна:
Ст.делопроизводитель
Канц. Президиума Окрика

(А. Ляпцев)

Иф ГАТО ф. 3, оп. 1, д. 595, л.д. 27.

Вся человеческая жизнь

(Продолжение воспоминаний Т.Н. Белим.

Начало в №№3,4,5)

XIII

Столько было драк в селе — улица на улицу, столько пакостничества: то бахчу вытопчут, то улей меду унесут, а где и гусей, задержавшихся на речке, отловят. А все Костины ровесники.

Наворуют, наломают, наловят — и продадут кому-нибудь, находились такие покупатели! А ребята на эти деньги — девушкам подарки да сами к водочке причащаются. И везде первый Костя, верховод. Пригласили его в кумовья — крестить ребенка. Отправился он на крещение, там изрядно набрался и стал приставать к куме:

— Та не кума, что под кумом не была.

Ну муж с братьями показали ему Кузькину мать.

Наутро пришел к нам дедушка, постучал палкой в пол:

— Где твой бузуй! — кричал на папу.

— Что случилось? — удивился папа.

— Что случилось! Ничего не знаешь, ничего не видишь? Твой разбойник уже к чужим бабам лезет. Посмотри, живой ли лежит, избитый-то?!

Мы к Косте. Он — в постели, натянул одеяло на голову.

— Вставай, сынок, завтракать, — сказал папа.

Костя отвернулся к стене. А когда все ушли, попросил у младшей сестры зеркало. Смотрелся в него и приговаривал: «Вы еще поплатитесь за это!». Так и этак вертел перед зеркалом разбитым лицом.

В селе ни суда, ни милиции — некому усмирять наших драчунов.

На какой-то свадьбе Костя отомстил своим обидчикам, напал на них со своими дружками. Потом крестины — и опять драка. И везде Костя, Костя.

Как-то утром приходит дедушка, стучит палкой о пол:

— Когда ты будешь женить своего Янку? — спрашивает у папы.

Янко — это был у нас такой житель, бедный, хатка соломой крыта, все хозяйство — жена да сын, а надел

— сто десятин хорошей столыпинской земли по реформе 1911 года. 100 десятин на фамилию

давали. У моего дедушки пять братьев, у братьев сыновья и у сыновей сыновья, а все одна фамилия. (На дочерей земли не давали). Вот и вышло на моего папу 12 десятин — это и пахотная земля, и выгон, и покос, и дубки для раскорчевки. А Янко — один. И у него 100 десятин на одного — отруб. Тех, кто владел отрубам, ни на действительную службу служить не брали, ни на войну: они хлеборобы, кормильцы государства, от тех, у кого мало земли, и пользы мало — пусть отечество и царя защищают. У меня отец воевал и брат его тоже.

А Янко сидел дома, сдавал землю в аренду корейцам и нашим малоземельным, а сам торговал водкой — снимал в богатом доме комнату со входом на улицы, привозил из района водку и торговал. В комнате стол и селедка, тут пили и закусывали, сам продавец тут же пил, закусывал и спал. До того доторговался, что жена с сыном ходят просят кусок хлеба. Установилась советская власть, кабаки закрыли, пошел Янко плотничать, что зарабатывает — проплет. Жена заболела и умерла, а сын пристроился в сельсовете сторожем, сводил кое-как концы с концами. А самого Янко, это его фамилия, имя — Сидор, в посевную нашли несчастного на своей земле в яме с разбитой головой. Тут же и кол лежал. Кто и что — так и не установили.

Хмель не плачет, что пьяницу бьют. Вот на что намекал дед, называя Костю Янко.

— Колы ты будешь женить своего Янко? — спрашивал он отца в 1924 году. — Надоело слушать от людей о его проделках. Хватит ему бурлачить.

Бурлачить — у нас значит долго ходить неженатым, а Косте девятнадцать с половиной лет.

— Ну что же, жените, — сказал он. И вот однажды вечером собрались у нас брат отца и брат матери. Она завернула в полотенце булку хлеба, передала им.

— Куда пойдем? — спросил брат отца.

— До Яценки, — ответил брат матери.

Он знал, что Костя с детских лет дружит с Марией Яценко, какие бы

праздничные не давали ему дедушка, бабушка, дядья — он все их растрчивал на подарки для нее. Эти Яценки — шесть братьев, у каждого свой отруб. Вообще, в селе много этой фамилии, так что даже две Марии Яценки есть.

— Ну что ж, до Яценки так до Ефима Степановича.

Мы замерли в ожидании ответа.

— До Ефима Степановича, так до Ефима Степановича. Мне все равно, — ответил брат матери.

Они вышли из дому, мы стали подглядывать: куда пойдут за воротами. Костина девушка жила от нас через четыре двора, но дядья пошли в другую сторону. Я выбежала следом к подружкам:

— Ребята, девчата! Наши свататься пошли к Яценкам!

Костина любовь была тут же — схватилась за голову, побежала домой, подняла крик. Мои подружки бросились ее уговаривать, я не побежала, но простила ей то, что она собиралась мной командовать.

Ее родители послали одну из снох отговорить Ефима Степановича не отдавать дочь за Костю: и вор он, и грабитель, и драчун.

Не помогло.

Костина первая любовь вышла замуж за первого встречного, родила трех дочерей, вырастила и разошлась с мужем, потому что не любила его. Она и сейчас жива, хоть ей уже под 90.

Брат с женой жил вроде бы хорошо, дочь они нажили. Но когда уезжал в армию служить, кому-то шепнул, что к ней не вернется.

Так и вышло.

XIV

Нам был запрещен переход границы с Китаем, а китайцы ее переходили свободно, приносили контрабан — так они говорили, — спирт в цинковых бачках, плоских, до полуметра высоты, 10 сантиметров в ширину и в длину сантиметров 25. Приносили спирт, белую ткань на белье и кумач. Продавали все это нам за деньги и на мак меняли. У нас всегда мака ведра два стояло. И вот заходит ходя (так мы называли китайцев), а у него кроме всего прочего еще и ситец. Мы его

выменяли на мак. Мама довольна, и мы рады — будут новые платья. Но тут зашел дедушка со своей палкой — коvezкой. Он был строг, но не ко всем, вот папу и маму он, например, упрёкал постоянно: то не так, другое не этак. Боже избавь им приобрести что-либо без его согласия.

— На пиджаки надо было тратиться, не на платья! — застучал он о пол.

— Мои девочки сами вырастили мак — им и платья, — заступает мама. Но он не желает знать и слышать. Как всегда.

Узнает, например, что меня сватали, но я отказала, приходит к нам и стучит своей коvezкой: «Почему?!». «Мне всего 16! — отвечаю. — Еще не выросла». — «Вот будешь перестаркой, кто на тебя посмотрит?!» — грозит он. У нас тогда и Костя еще не был женат, я говорю о том дедушке, а он: — Костя-то в подоле не принесет. Я смеюсь, а мама недовольно отворачивается.

А сваты идут и идут. Пришли даже соседи дедушки. Я им поворот от ворот, не стала разговаривать. А суббота, вечер, на бревнах сидят девчата, поют. Летом бревна — это наш клуб, которых тогда в деревнях и в помине не было.

Сидел и тот парень, за которого сватали, дедушкин сосед. На следующий день — воскресенье, в церкви богослужение идет, все пораньше управляют по хозяйству, чтобы пойти в церковь. Я стою у зеркала, повязываю платок, вижу — заходит дед, но я не подаю вида, что его заметила. — Ты почему отказала Чечелю? — спрашивает он.

— Потому что он дурак, — отвечаю. Дед на меня с палкой:

— Если мы будем чембовать (т.е. пренебрегать) такими людьми, сами никогда в люди не выйдем.

— Дураки да нищие не родом ведутся, а как Бог даст! — отвечаю его словами.

А он меня палкой.

Я убежала на сеновал, там целый день проревела и проспала.

Утром с уговорами пришла бабушка, но тут уже против встал папа:

— До перестарка ей далеко, успеется. Еще не один Чечель будет. — Отец был навеселе. — Кабы всякому по нраву невесту, так и царства небесного не надо.

Бабушка замахала на него руками. Отец в хорошем настроении всегда

винился передо мною:

— Мало тебя учили, надо было не Надю посылать в пятый класс, а тебя. Наде не в коня корм.

Учиться не отец меня не пускал, а мама. Я была очень похожа на бабушку, которую мама недолюбливала, вместе с ней и меня. «Нет, нет, — говорила, — какая учеба? Мне нужна помощница».

Маме хотелось выглядеть справедливой передо мной, мы с сестрой даже жребий бросали. Мама взяла две тоненькие палочки — одна короче, другая длиннее, — спрятала за спиной. «В какой руке?». — Я указала, мне выпала длинная — значит, учиться мне. Но мама не согласна. Берет нитку, разрывает пополам, на одной половинке навязывает два узелка. На втором — три, прячет за спину. Опять: «В какой руке?». — Я показываю и опять мне учиться, потому что три узелка указала. Но мама опять не согласилась. В школу пошла Надя. Да как пошла! Осенью надо ехать в район, пришли за нею, а она спряталась в огороде в коноплю, так и не нашли школьницу...

«Ладно, — говорил папа в хорошем настроении, — учиться мы тебе не дали, батрачишь на нас, не разгибать спины, но будешь замуж выходить — не обидим, подарим корову».

Это у всех так заведено: родители на свадьбу дочери дарят корову, сыну — коня.

Отец был щедрым, кроме коровы обещал подарить мне еще и Мушку. А Мушка — подросток-стригунок от нашей кобылы.

Но когда Костю женили, Мушку продали ему на свадьбу.

Мне подарили одну корову. Правда, она и без того была мосей. Как-то родители уехали в район на базар, а к нам прибежали пастухи с известием, что телится наша корова. Я на коня, взятого у дедушки, и в лес, на пастбище. А корова дикая, перетелок, не подпускает меня к теленку, еле-еле управилась. Родители вернулись — я им показываю наше пополнение, теленочка, телочку.

— Это будет твоя, — сказал папа.

Но когда дошло до дела, стали отдавать не ее, а теленочка от нее. Я расплакалась и все высказала.

— Обещали корову и Мушку, даете только теленка. Я у вас Золушка, мне ничего не надо!

Отдали мне и корову мою, и ее теленка.

ХУ

Теперь там все заболочено — ни реки, ни рыбы.

А у деда с дядькой стояла на той реке мельница. А вокруг колчаки, белые да семеновцы. Дед с дядькой ловят рыбку, а к ним подлетают то те, то другие: «Говори, где партизаны?» — и секли нагайками. И один раз, и другой.

— А ну, дед, поди сюда! — говорят в третий.

Дедушка уже знает, зачем зовут, делает вид, что ничего не слышит. Тогда один соскакивает с коня — и к нему:

— Ты что глухой?

Дедушка приставляет ладонь к уху: «Говори громче». А кто-то с коня кричит соскочившему:

— Научи его слышать!

Тот берет дедушкину руку, приставляет к ладони кинжал:

— Говори, где партизаны, назови их фамилии, иначе проткну ладонь. — Я старый, глухой, — говорит дед, — живу в той хате, второй от речки, — и показывает на какую-то развалюху. — Никуда не хожу, ничего не знаю.

Тот, соскочивший, ударяет по рукояти кинжала — брызгает кровь. Рука проткнута не насквозь, но лето, жара, да пока собирал удочки — рана засорилась, рука долго болела, гноилась, но дед и в больнице не сказал, отчего у него такая рана, боялся.

Дед партизан всегда называл наши, японцев — чужеземцы, а всех остальных — колчаковцы.

Когда в 22-м году к нам пришли советские войска, он крестился: «Слава Богу, наши пришли».

А в 1928-1929 году, когда стали раскулачивать его сына, нашего дядюшку, сноха ему и говорит:

«Это, слава Богу, наши оставляют нас без штанов». На что дед ответил: «Ну что ж, — ответил дед, — наверное, так надо».

— Молча забрал свою старуху, нашу бабушку, увел на квартиру к двум своим одиноким

старикам-друзьям...

До этих лет в селе случались драки, и драки страшные, а тут пошли убийства.

В то лето убили председателя сельсовета, он был не наш сельский, а присланный из района, первый коммунист в нашем селе.

Он сехал на телеге в район, и где-то его подстерегли.

Пошли аресты, закон был такой: за голову одного коммуниста — двадцать голов населения.

Арестовали двадцать одного, с перевыполнением, увезли в районную тюрьму, туда попал и дедушка наш, и мой свекор. Через месяц арестовали еще пятерых — это были те, кто имел полные отруба — по 100 десятин, а первых — 21 человека — отпустили. Видимо, следствие что-то раскопало, потому что те пятеро сгинули бесследно, как не разыскивали их родственники — ни за какую ниточку не ухватились. Зато они нашли убийцу. Только он, наверное, был подставной, этот молодой человек из нашего села, сын крестьянина: отец, брат, еще брат с семьей работают в поле, а он почему-то стал ходить по селу — в дождевике, с обрезом через плечо, потом скрывался в дальних хуторах или в лесу, там его настигла милиция и убила. Нам все непонятно было в этой истории. Родителей и братьев его никто не трогал, выяснилось, что отказались от него еще до убийства, потому что он был шалопаи, работать не любил, из семьи его гнали, устроился на железную дорогу — там тоже не работало, шлялся без дела повсюду, на него перестали обращать внимание. А когда арестовали пятерых 100-десятинников, он вдруг стал появляться с обрезом. Мы подумали так, что его купили 100-десятинники, чтобы отвести от себя подозрения. Но у них ничего не получилось, и он просчитался. Но это мнение народа.

ХУІ

До этого, в 1924 году, у нас тоже был убит председатель сельсовета. (В то время папа еще работал секретарем). Еще не было ни кулаков, ни подкулачников, ни колхозов-совхозов. У него перед этим жена с двухлетним ребенком ушла к родителям, а любовь у них была со школьной скамьи, но женились — и жили плохо. Да какая уж любовь, видать: просто по-деревенски встречались в субботние да воскресные вечера. Его, кстати, увозили в район учиться на продавца. Там было два больших магазина частных, хозяева неведомо где жили, управлялись с делами приказчики, продавцов брали грамотных и умелых. Вот он под их рукой и работал-учился. А земли у его отца было 6 десятин, так как братьев их было шесть человек, а у каждого сыновья, в общем,

досталось кому 6, кому 3 десятины, арендовали у 100-десятинников. Потом его призвали в солдаты, это еще при царе — пять лет ждала его будущая жена, все подружки ее повыходили замуж, она все ждала, хотя уже считала себя вдовой, повязывала косынку по-монашески и ходила петь в церковь. Он вернулся в 22-м году с партизанами, его как партизана и избрали председателем, а родители заставили его жениться на девушке, которая так долго ждала. Он отнекивался, избегал встреч с нею, но вся родня настаивала на женитьбе. Наконец, он согласился, но предупредил, что если заставят венчаться, он из-под венца уйдет от нее. Мы побежали в церковь смотреть, как он будет убежать из-под венца. Но у него не хватило силы воли, смотрел себе под ноги, но не уходил. После женитьбы стал замкнутый, хмурый. Она жаловалась родителям, что домой приходит поздно, спать ложится отдельно. Насильно мил не будешь. Родила она сына, жила с ним то у родителей мужа, то у своих, все думала, что он придет за нею, а он и в своей пустой хате ночевал редко. И тут случилось это. Поздно вечером пришел он к своей матери, сел за стол, она ему стакан молока подала, он только поднес его ко рту, как раздался выстрел, прямо в голову. Мать только вскрикнуть успела, как его уже нет. Милиция, прокурор, как следует. Арестовали брата жены — дескать, мстил за сестру. А у него свидетели: в ту ночь его в селе не было, он стоял в ночном на заимке. День работал в поле, а на ночь оставался на заимке пасти коней, гуртовались вместе три-четыре человека, у которых межи сходятся, заваривали иван-чай, разговаривают, потом один остается караулить — посева стоят зеленые, как бы кони их не потравили, а остальные ложатся спать, через час смена. Эти соседи по заимке и отстояли его, писали поручительства. Его отпустили, а виновного не нашли. На похоронах я стояла у гроба и все видела. Плакали все. Жена его стояла в сторонке с ребенком и тоже редела. Отец убитого — свекор — сказал ей:

— Поднеси ребенка, пусть познаменуется. Это значит простится по-нашему. Она подошла к гробу, наклонилась и прижала ребенка к его лицу, а сама потеряла равновесие, упала на гроб, ее подняли, усадили, а свекор произнес:
— Поздно теперь плакать. Надо было раньше одуматься обоим. А мне так хотелось сказать, кто виноват, но не смогла. Убитый наш председатель-партизан любил чужую жену. Она была дочерью непорядочной женщины, которая держала кабак, сама была вечно пьяна, до нитки обирала своих выпивох, а муж ее воровал. Доченька их грамоте не училась, зато с ранних лет ее любили и мужики, и парни. Конечно, кто на такой женится? Вот она и вышла за вора, все-таки 26 лет уже было ей. Куда деваться? А председатель возьми да и влюбись в нее. Муженек приревновал и пальнул в него из ружья. Они потом уехали из села в город и там расстались. Жена председателя тоже уехала в город, сошлась там с каким-то бывшим чиновником, у него двое детей, а работы никакой не дают как эксплуататорскому классу, а в крестьянстве он работать не может и ничего не понимает, она ушла от него, и судьба ее столкнула с новым вдовцом, но у которого уже было пятеро детей. Через год родили еще одного и стало у них семеро. Такая у нее получилась страшная жизнь: столько зла, слез. Потому она и умерла вскорости. В 1978 году в Евпатории на скамейку ко мне под села женщина, как две капли воды схожая с той женщиной: и лицо, и формы тела, и даже руки с короткими и толстыми пальцами.
— Вы родом из Приморья? — спросила я ее.
— Вы, наверное, знали мою маму? — ответила она, — потому что мне все говорят, что я очень на нее похожа.
— Знала, — ответила я.
И мы разговорились. Она тоже помучилась в жизни, пока 17-ти лет не вышла замуж за военного. Он теперь полковник, она здесь с ним в санатории.

И. Чивонави.



Опальный сын Польши



Более ста пятидесяти лет на старом Ялutorовском кладбище стоит надгробный памятник на могиле польского политического ссыльного Готварда Мионовича Собаньского.

О жизни и деятельности его сохранились сведения, как об одном из близких друзей — ссыльных декабристов.

А для этого имелось веское основание.

В 20-х годах XIX столетия в царстве Польском возникло первое тайное Польское патриотическое общество.

Политическая деятельность Г. Собаньского не выдвигает его в первый ряд отважных руководителей общества, но он оказал обществу значительную материальную помощь, что сыграло немаловажную роль в формировании и становлении организации.

Существование Польского патриотического общества входило в стратегические планы руководства Южного тайного общества П. Пестеля. В случае активных боевых действий полякам предлагалось обезоружить литовский корпус, не допустить его участия в подавлении восставших войск декабристов.

Но выступление на Сенатской площади в Петрограде, а также Черниговского полка на юге, были жестоко подавлены.

Следственной комиссии без особого труда удалось установить связи членов Южного общества с поляками. Последние вслед за декабристами отправились этапом в сибирскую ссылку. На этот раз

судьбе было угодно сохранить Г. Собаньского, но жизненный путь был уже выбран.

Он участник Польского восстания 1830 года. Пленение с оружием в руках под местечком Дашевым определило его дальнейшую судьбу.

Известно, что он, как один из верных повстанцев, содержался в российских тюрьмах, в том числе в Казани и Тобольске, а в начале 30-х годов был отправлен как политический ссыльный в Ялutorовск.

Здесь Готвард оказался не одинок. В городе постепенно складывалась дружная колония ссыльных государственных преступников. На него распространялись те же условия содержания, как и на декабристов. Губернатором предписывалось иметь за ним строжайший надзор и своевременно доносить о его поведении.

В Ялutorовске он приобрел собственный дом, завел повара, прислугу. Но главное — Г. Собаньский влился в единую семью декабристов, став ее полноправным членом.

Есть сведения, что он принимал участие в подготовке и открытии школы. На своем приусадебном участке провел эксперименты по выращиванию невиданных здесь овощей и фруктов.

Но не этим покорил своих товарищей. Получил прекрасное образование, обладал замечательным даром музыканта. Он участник всех воскресных вечеров, которые традиционно устраивались в доме Матвея

Ивановича Муравьева-Апостола. Незаменимый исполнитель классической музыки, как вспоминает М. Знаменский: «Играл он артистически». Конечно, то были небольшие театральные представления. Слушатели — его друзья и близкие знакомые декабристов — имели возможность наслаждаться хорошей музыкой. В августе 1837 года декабристы Назимов, Лихарев, Лорер и Нарышкин по пути в действующую армию на Кавказ захватили в Ялutorовск. Это была настоящая мужская встреча друзей. А для нас она оставила навечно портрет Г. М. Собаньского. Декабрист Назимов сумел написать несколько портретов ялutorовских затворников. И лучшим из них оказался портрет Г. Собаньского. Легкие, точные штрихи карандаша великолепно обрисовывают прекрасную голову, окаймленную кудрявыми волосами. Строгое мужественное лицо говорит о его духовном богатстве. Художник очень тонко и точно подметил это привлекательное качество Г. Собаньского.

А четыре года спустя Г. М. Собаньский трагически погиб. В своем метеорологическом журнале М. И. Муравьев-Апостол запишет: «28 июля 1941 года утром убит Гот. Мир. Собаньский». Причина смерти — черная, злобная зависть на богатство Г. Собаньского, которое, кстати, грабителям не досталось из-за его отсутствия.

Последний шеф Тобольского полка



Декабристы тяжело переживали преждевременную утрату товарища. Они оказали помощь родственникам и принимали участие в создании мраморного памятника. Через четыре года рядом с ним был похоронен декабрист А.В. Ентальцев. Сейчас это мемориальный комплекс на кладбище, бережно охраняемый для потомков ялуторовцами.

И. Степанов.

На снимках: памятник на могиле Г. Собаньского в Ялуторовске; портрет Г. Собаньского. Рисунок декабриста М. Назимова.

Фото Н. Кудряшова.



Первого сентября 1814 года император Александр I отменил в русской армии звание шефа полка. Отменил только в армии российской, гвардейской распоряжение не коснулось, ибо шефами гвардейских полков были члены императорской фамилии, включая самого императора и государыню. Последним шефом Тобольского полка был генерал Петр Петрович Шрейдер. Шесть с половиной лет он был тесно связан с солдатами Тобольского полка.

Одним из художественных памятников российской боевой славы является Военная галерея Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. Это не памятник царю, как Александровская колонна, не благодарение богу за победу, как Храм Христа Спасителя, ныне к общему горю разрушенный в Москве. Военная галерея является памятником русским военачальникам — от командира бригады до главнокомандующего, — а в их лице русскому военному искусству и всему воинству российскому. Галерея производит впечатление на каждого бывавшего в Зимнем дворце и смотревшего в глаза удивительных персонажей. На ум приходят строки стихотворения А.С. Пушкина «Полководец»:

*«У русского царя в чертогах
есть палата,
Она не золотом, не
бархатом богата,
Не в ней алмаз венца
хранится за стеклом...
Ни плясок, ни охот, а все
плащи да шпаги,
Да лица, полные
воинственной отваги...».*

Здесь, в галерее, представители разных российских дворянских родов: от богатых и знатных до мелкопоместных. Часто, особенно в последнее время, меня посещает мысль: а почему же после второй Отечественной войны, носящей имя Великой, не было сделано подобного? ...Среди 332 портретов генералов, командовавших частями и соединениями во время Отечественной войны 1812 года и заграничных походов, прекрасно

исполненных английским портретистом Д. Доу и его помощниками А.В. Поляковым и В.А. Голике, молодыми российскими живописцами, есть портрет последнего шефа Тобольского полка, его командира генерал-майора П.П. Шрейдера. Он родился 8 апреля 1770 года и происходил из лифляндских дворян. В 10-летнем возрасте мать и отец записали сына сержантом в Бомбардирский полк.

Через пять лет он был переведен в лейб-гвардии Семеновский полк, где прослужил от прапорщика до поручика, а затем последовало назначение в Сибирь, в 4-й пехотный Сибирский батальон. В 1795 году Шрейдера перевели в Сибирский драгунский полк. Живя здесь, молодой Петр Шрейдер женился на Анне Ивановне Лаконте, сестре своего сослуживца. Супруга будущего генерала, несмотря на многочисленное семейство (у них было десять детей), повсюду сопровождала своего мужа. Прослужив почти двадцать лет в Сибири, он по возвращении в центральную Россию был утвержден командиром Тобольского Мушкетерского полка. Полк в то время входил в четвертую дивизию князя Д.В. Голицына. В конце 1806 года, перейдя в составе корпуса генерала Бенигсена границу, Шрейдер, до этого участвовавший в боях, впервые услышал свист картечи. За битву при Эйлау, где он был ранен в руку, Шрейдер по представлению Бенигсена был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом.

Оправившись от раны, Петр Петрович со своим полком был включен в отряд графа Н.М. Каменского, которому поручили снять французскую блокаду города Данцига (ныне город Гданьск). За отличие в этом сражении П.П. Шрейдер был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» и прусским орденом «За заслуги». После подписания Тильзитского мира Тобольский полк находился при сооружении Динабургской крепости (ныне город Даугавпилс), где его командир П.П. Шрейдер неоднократно получал Высочайшее

благоволение «за примерно-исправное состояние Тобольского полка». За содействие в построении крепости его наградили орденом Святой Анны II-й степени. Петр Петрович Шрейдер представлял собой тот тип русского военачальника, дух которого царит в Военной галерее. Среднего роста, с величественной осанкой, он обладал твердым, решительным и спокойным характером при приятной наружности. Получив образование в доме своих родителей, он постоянно пополнял и умножал его, что при его светлом и проницательном уме было несложно. Он был уважаем своими начальниками и сослуживцами и любим солдатами своего полка. В конце 1811 года Тобольский пехотный полк вместе с Волынским полком составил бригаду генерал-майора Де-Росси и перед вступлением Наполеона в Россию находился близ русской границы. Тобольскому полку пришлось пережить трудные дни отступления к Смоленску. Находясь в арьергарде корпуса Богговута, тобольцам приходилось часто вступать в стычки с французами, прикрывая отход русской армии. Под Смоленском Тобольский полк сражался на левом фланге против польского корпуса И.А. Понятовского. Чин генерал-майора был наградой Петру Петровичу за участие в обороне Смоленска. Принц Евгений Вюртембергский в своих «Записках» свидетельствовал: «Благодаря непоколебимой стойкости Тобольского полка, который более двух часов удерживал неприятеля, французы не выиграли ни пяди земли. Получив приказание отступить, Шрейдер неожиданно был окружен, но подоспела помощь, и тобольцы, грянув «Ура!», штыками проложили себе дорогу». По прибытии под Бородино Шрейдеров полк был определен с корпусом Богговута на правое крыло армии. Но главные события этого сражения развернулись в центре, на «батарею Раевского», и на левом крыле — «Багратионовых флешах». Видя изменения главного удара неприятеля, М.И. Кутузов повелел корпусу идти на подкрепление левого крыла и центра. Полк Шрейдера остановился в центре перед Курганской батареей, впоследствии ставшей «батарею Раевского». Так Тобольский полк оказался в самом пекле Бородинского сражения.

Как только Шрейдер прибыл на место, случайная пуля ударила ему в левую ногу, и вслед затем ядром контузило правую. Получив два серьезных ранения, он оставался на поле боя.

Насмерть стояли защитники батареи Н.И. Раевского. Очевидцы сравнивали их со «стальной массой, сверкавшей пламенем». Батарея несколько раз переходила из рук в руки. Для ее захвата Наполеоном были брошены отборные войска. И все же к вечеру они вынуждены были оставить ее. За Бородинское сражение генерал Шрейдер получил орден Святого Владимира III-й степени.

Ранение оказалось тяжелым, и он не сумел принять участие в кампании по изгнанию из пределов России остатков «непобедимой» армии Наполеона. Лишь в начале 1813 года догнал на Висле он наступающие русские войска. И здесь с должности командира Тобольского полка, не пройдя должности командира бригады, он был назначен начальником 4-й пехотной дивизии вместо принца Вюртембергского. Она вошла в состав корпуса генерала Ф.Ф. Винценгероде, которому поставили задачу преследовать Саксонский корпус, отступающий из Варшавы на Дрезден. Русские настигли французов близ местечка Калиш и атаковали их. Дивизия Шрейдера, который опять был ранен в ногу с повреждением кости, сбита неприятеля и преследовала его, не давая опомниться.

За калишское дело император Александр I пожаловал Петру Петровичу звезду ордена Святой

Анны I-й степени, а прусский король наградил его орденом Красного Орла II-й степени. Полученная в этом бою рана не позволила генералу Шрейдеру закончить военную кампанию в Париже. Его назначили комендантом прусского города Мемеля (ныне город Клайпеда), где он получил второй орден Красного Орла II-й степени.

После возвращения в конце 1814 года российских войск на родину Александр I подписал новое распоряжение генералов по должностям и старшинству. Те, кто во время войны командовали корпусом, получили под свое начало дивизии, а командиры дивизий стали командирами бригад. П.П. Шрейдера назначили командиром бригады 4-й пехотной дивизии.

Однако осенью 1815 года он был вынужден просить увольнение от службы по состоянию здоровья. Александр I, лично знавший Шрейдера, просил его остаться на службе, но добился только согласия на лечение за границей. В 1818 году П.П. Шрейдер был назначен временным, а в 1820 году — непременным членом Совета Военного Министерства. До последних дней своей жизни боевой генерал, последний шеф Тобольского полка, оставался преданным и нужным своей армии. Скончался Петр Петрович Шрейдер 12 января 1824 года в Санкт-Петербурге на 54-м году жизни, прослужив в российских войсках более 40 лет.

Б. Эрстов.

Миниатюры истории

Происшествия в Тобольской губернии

Пожары

В Ишимском округе: 2 августа, Ильинской волости в деревне Боровлянке у ссыльного Кондратя Потапова сгорела от поджога изба с пристройками и имуществом; убитка понесена на 34 р. 20 коп. В поджоге заподозрена вдова Штинникова и ссыльный Петров.

Скотский падеж

В Тюменском округе: От продолжающейся болезни на скоте в волостях: Успенской, Туголымской, Каменской, Устьицинской, Липчинской,

Тавдинской, Антроповской, Караульно-Тарской и Еланской пало скота, с 1 по 20 августа, 138 лошадей и 729 крупного рогатого.

Повальная болезнь на людях

В Тюкалинском округе: В Драгунской волости появилась эпидемическая болезнь на людях, обозначаемая первоначальными симптомами сибирской язвы. Случаев заболевания было 20 и смертельных случаев до 20 — преимущественно детей.

«Тобольские губернские ведомости», 23 сентября 1878.

Уложение о чинопроизводстве в казачьих войсках и землячествах Союза казаков

1. Настоящим Уложением окончательно и повсеместно восстанавливаются и вводятся в употребление следующие казачьи чины, которые приравниваются к соответствующим воинским званиям в Вооруженных Силах Российской Федерации:

Казачий чин

Казак приказный
Мл. урядник
Урядник
Ст. урядник
Вахмистр
Подхорунжий
Хорунжий
Сотник
Подъесаул
Есаул
Войсковой старшина
Полковник

Воинское звание

рядовой, ефрейтор
мл. сержант
сержант
ст. сержант
старшина
мл. лейтенант
лейтенант
ст. лейтенант
капитан
майор
подполковник
полковник.

2. Казачьи чины подразделяются на армейские, полученные за верную службу Отечеству в рядах Вооруженных Сил, и административные, присвоенные на выборах или при назначении на должность в казачьих организациях.

3. Армейские чины присваиваются пожизненно: казачьи, не состоящие на должностях и организациях казачества, имеют право на ношение погон, соответствующих чину, но не являются начальниками по должности.

4. Административные казачьи чины могут быть не пожизненными и нуждаются в периодическом подтверждении в зависимости от занимаемой должности. При избрании или назначении казака на

должность временный чин присваивается ему соответствующим атаманом. При снятии с должности или переизбрании казаку возвращается его прежний чин, и он лишается права ношения погон по предыдущей должности.

5. Казак, отслуживший на административной должности установленный срок с пользой для казачества и подтвердивший безупречной службой свое соответствие чину: приказом атамана утверждается в нем пожизненно и обретает право ношения соответствующих чину погон, даже после переизбрания или отрешения от должности по болезни или возрасту.

6. Для подтверждения временного административного казачьего чина в казачьих организациях определяются следующие сроки нахождения в должности:
— 6 месяцев — казак приказный, мл. урядник, урядник, ст. урядник, вахмистр;
— 12 месяцев — подхорунжий, хорунжий, сотник;
— 18 месяцев — подъесаул, есаул;
— 20 месяцев — войсковой старшина;
— 24 месяца — полковник.

7. Сроки нахождения в должности для подтверждения чина могут быть сокращены при особых заслугах перед войском или увеличены при упущениях. 1 месяц боевых действий приравнивается к трем.

8. Атаманы различных категорий обладают следующими правами присвоения и подтверждения временных чинов в структурах казачьих организаций при избрании или назначении казаков на должность:
— атаман Союза казаков — до полковника включительно;
— атаман войска — до войскового старшины включительно;
— атаман округа, отдела, крупного землячества — до подъесаула включительно;
— атаман станицы — до хорунжего включительно.

9. После подтверждения чина вопрос о его снятии при необходимости решается казачьим Кругом.

10. Атаман Союза казаков и атаман войск не имеют чина по должности и носят погоны без просветов с литерой «А». Атаманы округов, отделов, крупных землячеств имеют должностную категорию в пределах есаул-войсковой старшина; атаманы станиц — подъесаул-есаул; атаманы низовых структур казачьих организаций носят чины, соответствующие должности.

11. При значительных заслугах перед казачеством атаманам округов, отделов, крупных землячеств, станиц и другим должностным лицам по представлению соответствующих казачьих организаций или решением вышестоящего атамана могут присваиваться чины выше должностных категорий.

12. В боевых условиях возможно досрочное производство в очередной чин, а также производство за отличие на одну штатную категорию выше занимаемой должности.

13. Любое производство в офицерские чины казаков, не состоящих на момент производства на офицерских должностях, недействительно.

14. Армейские и административные казачьи чины, имеющие постоянные чины выше штатной категории по занимаемой должности, носят погоны, соответствующие их постоянному чину.

15. В случае прохождения казаками службы в охранных и других территориальных формированиях, а также по назначению приказами соответствующих атаманов и должностных лиц на различных должностях в структурах казачьих формирований устанавливаются сроки нахождения в должности для подтверждения чина,

предусмотренные ст. 6 настоящего Уложения.

16. Чины членов атаманского правления Союза казаков, войск, округов, отделов, землячеств, станиц и др. структур присваиваются и подтверждаются в соответствии с положениями данного Уложения.

17. Походный атаман Союза казаков, походные атаманы округов и отделов, а также лица, равные им по должности, обладают правом присвоения и подтверждения казачьих чинов казакам, состоящим на службе в охранных и дружинных формированиях, военных отделах, — на категорию

ниже соответствующих им атаманов Союза казаков, войск, округов и отделов.

18. Казаки-офицеры охранных и дружинных территориальных формирований, а также казаки-офицеры на различных должностях в структурах казачьих организаций для подтверждения чинов должны пройти лагерные сборы и ускоренный курс военной подготовки.

19. Казаки, опозорившие войско или допустившие серьезные провинности, лишаются административного чина и права ношения соответствующих погон. Армейские чины лишаются в этом

случае права ношения погон при казачьей форме и казачьего чина.

20. Атаманы всех категорий и другие должностные лица должны решительно пресекать любые случаи самозванства, применяя к виновным самые суровые меры и широко оповещая об этом казачество.

21. Атаманы всех категорий обязаны принять Уложение о чинопроизводстве в казачьих войсках и землячествах к неукоснительному руководству. Любые дополнения и изменения к настоящему Уложению вносятся только Советом атаманов Союза казачества.

Промыслы и ремесла

Ишимский окружной союз сельскохозяйственных кредитных кооперативов 19/IX-1928 г.

Окрисполком
Секретариат Президиума

Перспектив для развития кустарно-промысловой кооперации в Ишимском округе слишком мало. Подавляющий процент населения округа — крестьяне, связанные с сельским хозяйством, основными отраслями в котором являются полеводство и животноводство — главные источники существования и дохода. Есть в пределах округа и кустари: кожевники, кузнецы, мельники, кустари по выработке циновок, рогож, дегтя, смолы и т.д. Эти одиночки, из которых часть уже состоят членами с/х кооперации, в большинстве связаны с сельским хозяйством, живут разрозненно по одному-два человека в больших селениях и не представляется возможным их объединить в артели или т-ва. Селений же, в которых были бы развиты кустарные промыслы в пределах округа нет. Кроме того по уставу с/х кредитных т-в, разрешается последним (кред. т-вам) устроить производственно-промышленные предприятия — кирпичные,

лесопильные, черепичные и т.п. заводы и мастерские. По переработке продуктов сельского хозяйства и сельскохозяйственного сырья — мельницы, крупорушки, маслобойные и крахмало-паточные заводы, заводы по первичной обработке льнопеньки и др. То же предусмотрено уставами коммун, с/х артелей. По уставам Маш. т-в предоставляется последним право содержать мастерские и всякого рода иные предприятия, для ремонта, сборки и переустройства с/х машин и орудий, запасных частей к ним. Мы по плану намечаем организовать и иметь на 1/X-33 года в нашей системе с/х кредитных т-в — 62, коммун — 60, ТООЗ — 130, с/х артелей — 120, машинных т-в — 850 и прочих — 701, в том числе предусмотрена и организация кустарно-промысловых артелей. Процент кооперирования с повторным членством предполагается довести до 89%. Имея в виду такой наш план, % кооперирования, когда главные процессы по переработке продукции, крестьянских хозяйств из сырья будут объединены по линии с/х кооперации, колхозов, видов кооперативов, вряд ли будет почва для создания промысловых артелей и вообще для развития кустарно-промысловой

кооперации, т.к. каких-либо кустарных изделий за пределы Ишимского округа никогда не вывозилось. Кожевники перерабатывают исключительно крестьянские кожи, кузнецы-слесаря только ремонтируют с/х машины и крестьянский обоз и т.д. В настоящее время существует одна кустарно-промысловая артель кожевников «Кожевник» в г. Ишиме и состоит членом Жиликовского с/х Кред. Т-ва. Вопрос организации новых артелей увязывается нами с Промотделом Окрисполкома. В ближайшее время намечено обследование ряда районов с целью организации кустарно-промысловых артелей. По низовой сети нами дано директивное указание об учете всех кустарей, вовлечения их в члены с/х кредитных товариществ и принятии мер к организации, где возможно — артелей. Возможна организация нескольких кожевенных артелей, кузнечно-слесарных мастерских, мельничных и кирпичных товариществ.

Член правления
Техн. Зав. Орг. Отдела.

ИФ ГАТО ф. 3, оп. 1, д. 601, л.д. 20.

Тюмень: люди, события, годы
(фотовзгляд Аркадия Космакова на историю
областного центра).



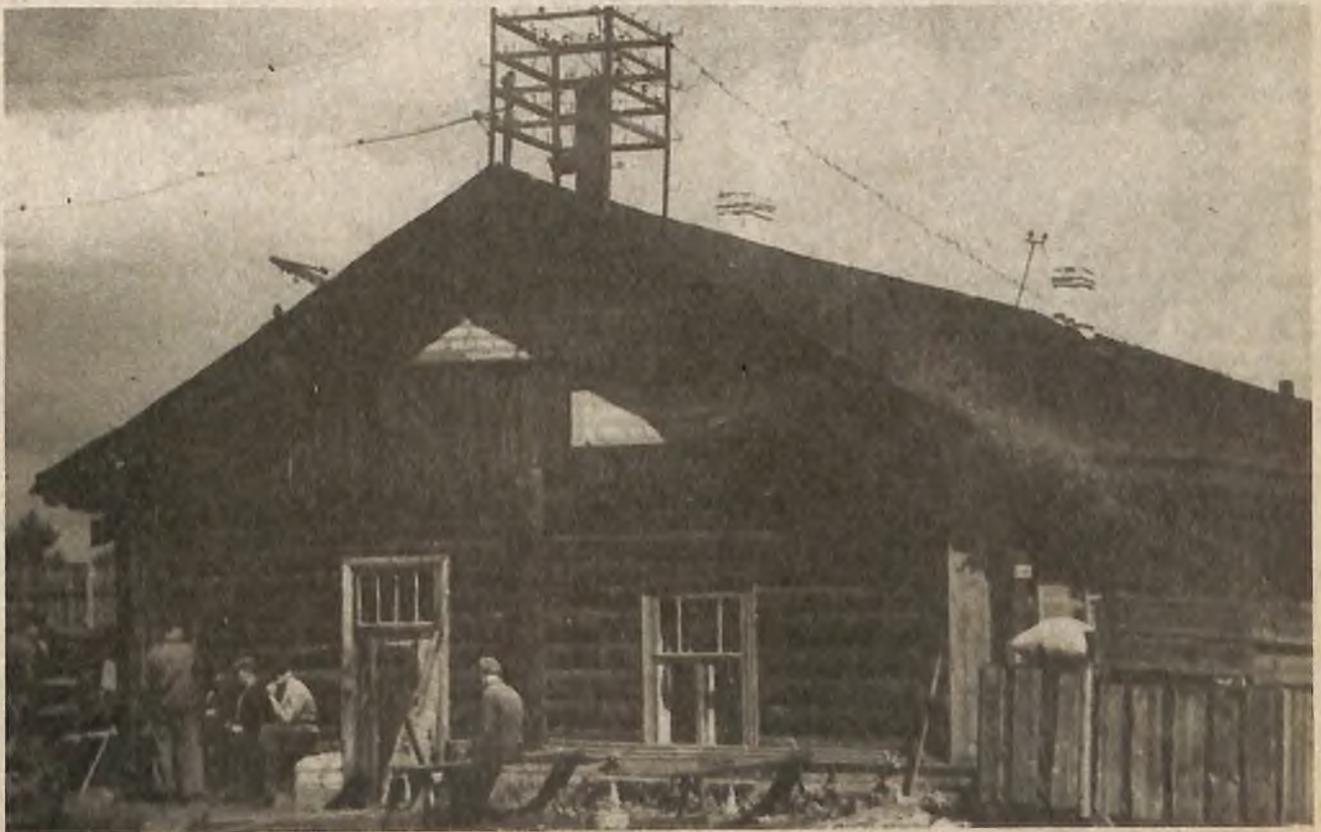
1. Герой Социалистического Труда ткачиха Мария Виноградова среди будущих работниц камвольно-суконного комбината (начало 1970-х годов).



2. Центральная площадь Тюмени (1962 г.).



3. Встреча с трактористом Петром Дьяковым на Центральном стадионе (середина 60-х годов).



4. Столовая станкостроительного завода, бывшего «Механика» (1961 г.).

Кулак перешел в наступление

В публикуемом документе (ф. 3, оп. 1, д. 685, л.д. 13-17 Ишимского филиала ГАТюмО) встречается термин **самообложение**. В те годы самообложение означало так называемое добровольное участие населения в финансировании расходов по местному хозяйственному и культурному строительству, проводилось лишь в сельских местностях и дачных поселках. Сход, а практически сельсовет, определял размеры взносов по самообложению и сроки их уплаты. Платежи единоличников были не менее чем на 25% выше платежей колхозников. Самообложение — изымание у населения средств сверх государственных налогов.

Чувствуя себя хозяином района, не встречая отпора со стороны общественных организаций, кулак перешел в наступление. Постановление Антуховского с/совета о замене гарнцевого сбора деньгами, решение Тростянского с/совета о повышении расценок на рожь, с просьбой сделать распоряжение о выдаче дефицитных товаров середнякам на все вырученные от сдачи хлеба деньги, — вот плоды кулацкого руководства. Больше того, некоторые с/советы открыто агитировали против самообложения. В районе была широко развернута агитация против совхозов и колхозов, кулаки и подкулачники всеми способами и средствами старались доказать крестьянам, что политика советской власти, направленная на максимальное развитие колхозов и совхозов — неправильна. В Антуховском с/совете имело место такого рода кулацкое выступление: почему-то в таких культурных странах, как в Америке, никаких колхозов и совхозов не строят, а мы в СССР должны их строить. Начав издали, этот гражданин, заканчивая свою речь, заявил: «неправильно нажимать на кулака, — он такой же труженик», выдав этим себя с головой. Хлебозаготовки в Высокининском районе производились исключительно за счет бедняцко-средняцкой массы

деревни. До 20 октября Высокининский р-н не был включен в список районов, где план хлебозаготовок должен доводиться до кулацкого двора (это при 17,3% лишенцев), но зато в некоторых селениях (Новоселки и Троицкое) план хлебозаготовок был доведен до бедняцкого двора, а зажиточные и кулацкие хозяйства этих селений хлеб не сдавали. Работники, пытавшиеся противостоять кулакам, получали с их стороны организованный отпор, вплоть до террористических актов. Зажиточная крестьянка Ермолаева нанесла удар колом активисту работнице Борисовой. И суд, который рассматривал это дело, не считая поступок Ермолаевой террористическим актом, приговорил ее к штрафу в 10 руб. Такой приговор, понятно, способствовал проявлению активности кулаков. В с. Высокиничи кулак-лишенец Савостьянов пытался зарезать ножом председателя рабочкома Малоюрославецкого лесхоза. В селе Остров был сорван ящик, куда собирались заявления к чистке соваппарата. В с. Ершово, приехавшему работнику по хлебозаготовкам кулачье угрожало: «Если в три дня не уберешься из села, то мы тебя уьем».

Интересы бедноты на заднем плане

В районе 366 батраков и 950 бедняцких хозяйств, но ни одной группы бедноты в районе нет. Сельсовет совершенно не считал нужным проводить какую бы то ни было работу с беднотой. А некоторые председатели сельсоветов на вопрос, почему не ведется работа с беднотой, отвечали «у нас бедноты нет, есть старухи, с которыми работы не поведешь» (?). Фонды бедноты распределялись не по назначению. Райсобес, например, из общей ссуды в 781 руб. выдал 75 р. кулаку-лишенцу; 150 р. родственникам председателя ККОВ, 322 руб. середнякам и зажиточным хозяйствам и только 234 р. 50 к. получила беднота. При проверке оказалось, что у этого райККОВ нет оправдательных документов на расходование 4000 руб. Лес местного значения

расхищался. Им пользовались исключительно кулаки и зажиточные. А беднота в большинстве случаев получала отказ. Тимашевский сельсовет просьбу бедноты об оказании помощи при перевозке дров не удовлетворил и бедняки вынуждены были заключать кабальные договора с кулаками.

Кулак подчинил своему влиянию бедноту

Отмечаются, например, такие факты, когда беднота активно выступала в защиту кулаков. В селе Троицком беднячка выступила против самообложения, говоря при этом «надсели с разными кампаниями, замучили». В с. Антухово, по наущению кулака, беднячка Степанова бегала по дворам, агитируя против самообложения. Когда приезжавшие из округа работники пытались привлечь бедноту к активному участию в проведении самообложения, они получили такой ответ: «нам на собрании делать нечего, мы не платим самообложение, говорите с теми, кто платит». Во время хлебозаготовок беднота отказалась от участия в кампании, заявляя при этом: «мы в чужие карманы не полезем, идите и ищите сами» (Д. Острово, Ивановское).

Кулацкая политика земотдела

Земотдел оказался совершенно неспособным руководить социалистическим переустройством деревни. Он проглядел рост хуторов и совершенно не ставил перед собой задачи ограничения и ликвидации хуторских хозяйств. В районе имеются 14 машинных говариществ, из них только 7 оформлены земотделом. Остальные товарищества Земотделу неизвестны. Руководят машинными тов-ми попы, лишенцы и другие классово-чуждые элементы. В Оболенском т-ве председатель Корпычев несет одновременно нагрузку председателя церковного совета. В числе членов правления солидная фигура попа Азбукина, а ревизует правление церковный староста и бывший торговец. Вся эта кампания числилась беднотой.

Машинные т-ва используются кулаками и зажиточными, а беднякам помощи не оказывается. На все это земотдел смотрел сквозь пальцы.

Случной пункт использовался также в интересах кулацко-зажиточной части района. За случной период 5-ю производителями покрыто 138 маток, из которых бедняцким хозяйствам принадлежит 4, хуторским хозяйствам — 39, кулакам — 2, остальные середняцким хозяйствам. Плата за случку определена: с зажиточных и середняков — 7 руб., с маломощных хозяйств — 5 р.

Судебная земельная комиссия также «не отставала» от общей работы земотдела и при всех удобных случаях, пользуясь правами, стояла на страже интересов кулацко-зажиточной части района.

В 28 г. проводилось лишение земель нетрудовых хозяйств.

Высокиническое земельное общество при участии с/советов вынесло приговор, что землю у торговцев Жилкина, Городничева, Шершнева отбирать не следует, т.к. они являются трудовыми элементами, потому что кроме торговли обрабатывают землю. Земкомиссия присоединила свое веское слово и кулаки были не тронуты. В том же селе Высокиничи проживает вдова, имеет 7 детей. На просьбу дать ей земли, земельная комиссия отказала, мотивируя тем, что земли нет.

В с.Теньково, между земельным обществом и дьячком заключен договор. За службу дьячка общество обязалось предоставить дом с надворными постройками, сад, усадьбу в размере 1 дес. и десятину пахотной земли. Земельная комиссия, несмотря на то, что копия договора ей была представлена, никак не реагировала на эту сделку церковника.

Зато полгода тянется волокита с разбором заявления маломощной крестьянки Климовой о неправильном лишении ее земли, и дела некоторых бедняков затягивались в комиссии по 2 года.

Райфо на службе у классового врага

Вместо того, чтобы финансово-налоговой политикой ослабить рост кулака, предоставить возможность быстрого развития бедняцко-маломощным хозяйствам,

райфо в своей повседневной работе руководствовался соображениями другого порядка, он способствовал еще большему укреплению кулацко-зажиточной части района, всячески препятствуя поднятию бедняцких и маломощных хозяйств. На 500 лишенцев райфо привлек в порядке индивидуального обложения 37 хозяйств. Многие кулаки обойдены райфо и платят налог в обычном порядке.

Обнаружены факты недообложения кулацко-зажиточных элементов. Так, например, при обложении кулака Филимошина не был учтен доход от аренды сада и от аренды перевоза через р.Протву. В момент районирования, при переходе селений из Малоярославецкого района в Высокинический, финотдел получил список кулаков и торговцев, которые могут быть привлечены для обложения в индивидуальном порядке и полученный список был преспокойно подшит к делу. А когда позднее стали его проверять, оказалось что хозяйства, числящиеся в списках, обложены в общем порядке, имели чайные, мануфактурную, бакалейную торговлю и т.д.

Одновременно с этим райфо не проводит директивы правительства об освобождении бедноты, льготах и т.д. Вместо 35% освобождено от налога всего лишь 26% бедноты. Селения, выполнившие агроминимум, по закону пользуются соответствующими льготами. Но для райфо закон не существует. Из 47 селений, выполнивших агроминимум, льготы получили только 17 селений. Заявления бедноты, семей красноармейцев по месяцам валяются неразобранными, зато райфо не стесняется предоставлять льготы хуторам за счет бедноты, так, например, хозяйство Вергуса, имеющего 5 едоков, 6,2 д. пашни, 2 лошади, 2 коровы. Хозяйство Созыкина, имеющее 3,2 дес. пашни, 1 лошадь, 2 коровы и неземледельческого заработка 400 р., по постановлению налоговой комиссии было совершенно освобождено от налога, между тем, как хозяйство Федорова (с.Скоровет), имеющее 4,5 пашни, 1 лошадь старше 16 л., 1 корову, не имеющее неземледельческих заработков, по постановлению налоговой комиссии исключено из состава бедняков.

В хлебозаготовительную кампанию, по разверстке к установленному

сроку 14 кулацких хозяйств не сдало 101 пуд хлеба и лишь одно из них было привлечено к судебной ответственности.

Недоимки по ЕСХН составляют 1001 р., по страхованию — 756 р., по судебным пошлинам — 558 р., по самообложению прошлого года — 720 р. Часть недоимок падает на кулацко-зажиточные хозяйства, по отношению к которым никаких принудительных мер не принималось.

Для полноты характеристики работы райфо укажем, что в составе налоговой комиссии РИКа и сельских учетных комиссий, насчитывающих 85 членов, бедняков всего лишь 23 чел.

Извращение классовой линии в работе кооперации

По кооперативам спокойно развезжал инструктор райотделения МСПО, ревизовал, контролировал, инструктировал. Членами кооперации состоят 54 лишенца, которые наравне с остальными пайщиками снабжаются дефицитными товарами. Лишь при последнем обследовании (сентябрь) было предложено снять лишенцев из числа пайщиков.

В Троицкой кооперации 3 содержателя чайных получали по 1 кл. сахара в день, а в Высокиничах лишенцы щедро снабжались мукой. По Троицкой кооперации фонд кооперирования бедноты был попользован только на 78,9%, а в Высокиничах всего лишь на 25%. Работы с беднотой не было. В числе пайщиков нет ни одного батрака (это из 366 батраков всего района). Кооперация перевозку товаров из Серпухова предоставляла середнякам да кулакам, а беднота по месяцам ждала своей очереди. В кредитном товариществе должность приемщика хлеба на сыпном пункте занимает лишенец. В этом же т-ве служит сын дьячка. В хлебозаготовительную кампанию склад был перегружен овсом, вследствие чего пол провалился. Овес пропитался догтем и керосином. Кооперативные работники отлично знали, что пол в складе ветхий, тем не менее загрузили его.

Воспитание детей в руках классово-чуждых элементов

Из 30 учителей Высокинического района большинство составляют классово-чуждые элементы. 30

учителей, главным образом, дочери и сыновья попов (один из учителей сам был раньше попом). Большинство преподавателей замкнулись в своей узко-школьной работе и были далеки от активного участия в общественной жизни деревни.

По району из 800 школьников дети бедноты составляют 180 чел. (22,4%).

Культурно-просветительная работа поставлена плохо. Есть селения, которые только в 1929 г. увидели кино.

РИК сдал свои позиции классовому врагу

После всего сказанного, невольно напрашивается вопрос, где же был райисполком. Чем объяснить, что на глазах у РИК классовый враг захватил командные высоты хозяйственного управления и проводил свою политику. А объясняется это тем, что перед лицом сильнейшего напора кулацких и капиталистических элементов на органы пролетарской диктатуры, руководство Советами оказалось неспособным дать отпор и шло по линии постепенной сдачи позиций классовому врагу. Новое руководство РИК, переизбранное в прошлом году, также проявило классовую слепоту.

РИК не дооценил силу кулацко-капиталистических элементов и проглядел захват этими элементами большинства сельсоветов и общественных организаций, РИК не сумел твердо и решительно исправить политическую линию старого руководства, не сумел организовать батрацко-бедняцкие и середняцкие массы и повести их на решительную борьбу с кулачеством. Все это является ничем иным, как ярким проявлением оппортунизма в практической работе.

Перелом начался

Президиум Облспокома, обсуждая вопрос о положении Высокнинского района, утвердил решение Окрисполкома о досрочных перевыборах всех сельсоветов в р-не и созыве чрезвычайного съезда Советов. Облсполком решил послать группу товарищей в 5 человек для проведения перевыборов советов и созыва чрезвычайного районного съезда. В настоящее время оздоровление Высокнинского района началось. Сняты с работы предрайфо, предземотдела, нарсудья, начальник угол. розыска и др. При помощи посланной бригады Окриком, а также при усилении партруководства энергично

проводится работа с бедной. Организовано 11 групп бедноты. Сделан коренной перелом в настроении бедноты, которая сейчас проявляет активное участие в проведении наших мероприятий. Большинство селений голосовали за организацию колхозов. По боевому мобилизовалась комсомольская организация. Комсомольцы уже успели организовать один колхоз в 11 хозяйств (из них 8 комсомольцев). В с. Бурково и Ивановское созданы индивидуальные группы, из комсомольцев по организации колхозов. В этом же селе уже завербовано 5 бедняцких и середняцких дворов. Сельсоветы очищаются от кулаков, лишенцев и людей, проводивших линию классового врага. В Высокинцах беднота организованно вывела из состава сельсовета 6 человек, проводивших кулацкую линию. Политический урок Высокинческого прорыва должен стать действительным предупреждением всем советским органам от извращения классовой линии, должен послужить основанием к повышению пролетарской бдительности в деле руководства и помощи нашим классовым советским органам. Информ. п/отдел орготдела облсполкома.

К столетию «Ежегодника Тобольского Губернского музея»

Юбилей отмечен выставкой в краеведческом отделе Тюменской областной научной библиотеки. Тобольский губернский музей, основанный в 1870 году при Тобольском статистическом комитете, наряду с Томским университетом, Западно-Сибирским отделом Русского географического общества, был до 1917 года одним из немногих культурных учреждений в Западной Сибири и единственным здесь музеем, который выпускал печатные научные труды. В 1893-1918 гг. издавался «Ежегодник Тобольского губернского музея». «Наше издание, — писала редакционная комиссия, — открывает свои страницы для всех истинно заинтересованных в деле изучения края и всех

искренних приверженцев его процветания». Первая книжка «Ежегодника» вышла в середине января 1893 года. Всего издано 29 выпусков. Последний — в 1918-м. «Ежегодник» печатался по мере накопления материалов (от одного до трех выпусков в год). Выход его зависел и от финансовых возможностей музея. Издание начиналось в трудных условиях, без достаточных для регулярной работы средств. Его финансирование базировалось в основном на пожертвования меценатов и постоянно находилось под угрозой срыва. Поэтому не раз ставился вопрос о его «закрытии до более благоприятного времени», взамен предлагалось печатать «Ежегодник» в виде особого приложения к неофициальной части

«Тобольских губернских ведомостей». Редакция «Ежегодника» выступала против этих предложений. При музее создали особую комиссию по изысканию средств для образования постоянного издательского фонда. Часть средств на издание восьмого выпуска дал исследователь сибирского севера А.Н. Дунин-Горкавич, труд которого «Север Тобольской губернии» напечатан в том же выпуске. Частые пожертвования были получены от агронома Тобольской губернии Н.Л. Скалозубова, В.Г. Земцова, К.Я. Маляровского, тобольского губернатора В.А. Тройницкого, К.П. Фредерикса, от тюменских купцов Н.М. Чукамалдина, И.М. Решетникова.

«Ежегодник» носил характер временного периодического издания с обширной программой. Он состоял из двух частей — официальной и неофициальной. В первой печатались протоколы общего собрания, отчеты секретаря, а также список личного состава музея, хроника его деятельности. Неофициальная часть «Ежегодника» включала материалы различных исследований: статьи по вопросам истории, географии, промышленности, торговли, народного образования в крае, истории культуры и другие научные публикации, занимающие большую часть издания. Объем сборника колебался от 9 до 28 печатных листов. Такой емкостью «Ежегодник» был обязан прежде всего деятельности одного из секретарей редакционной комиссии Тобольского губернского музея Л. Луговского. «Лев Евграфович сумел придать ему очень приличную по местным типографским средствам внешность. Много труда налагал на корректуру, которую... он всегда держал сам. Значительное влияние оказывал и на состав книжек, употреблял большое усилие сделать их возможно разнообразнее», — отмечается в некрологе, посвященном Л.Е. Луговскому. Современники писали, что Л.Е. Луговский «был огромной душой музея: ни один шаг в деятельности музея не сделан без его участия». На выставке специальный раздел посвящен Л.Е. Луговскому, где представлены материалы о его жизни и деятельности, а также его работы. Анализ содержания издания позволяет сделать вывод о том, что «Ежегодник» был собранием ценнейших сведений о крае. К нему до сих пор обращаются многие исследователи и краеведы. С 1893 по 1918 гг. в «Ежегоднике» были опубликованы 159 краеведческих работ научного содержания. Сотрудники музея печатали результаты своих исследований, полученные в экспедициях и в архивах. На его страницах, например, опубликована большая часть трудов питомца Тюменского уездного училища Н.И. Палопеженцева. Один из них — историко-статистический очерк «Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовского округа Тобольской губернии». Работа Н.И. Палопеженцева в 1894 г. была издана в Тобольске

отдельной брошюрой и пользовалась большим успехом у специалистов. На выставке представлен экземпляр этой книги с дарственной надписью автора. Большая часть статей, помещенных в «Ежегоднике», принадлежит А.А. Дунину-Горкавичу — лесничему Тобольской губернии, агроному и редактору-издателю газеты «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности» Н.Л. Скалозубову, секретарю статистического комитета, редактору неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей», учителю Тобольской мужской гимназии, корреспонденту местных газет А.А. Терновскому, почетному члену музея и его библиотеки С.Н. Мамееву, издателям тобольской газеты «Сибирский листок» А.А. Сыромятникову и М.Н. Костюриной, редактору «Тобольских епархиальных ведомостей» Н.А. Городкову. На выставке представлен «Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь», изданный в СПб. в 1914 г. обществом изучения Сибири и улучшения ее быта. В этот сборник включены две статьи Н.Л. Скалозубова: «Программа для собирания материала по вопросу о народной медицине» и «Собирание материалов для словаря народных названий растений», ранее опубликованные в одном из номеров «Ежегодника». С «Ежегодником» сотрудничали и политические ссыльные. Среди них А.Н. Макаревский, профессор Минского ветеринарного института, этнограф В.В. Бартенев, автор книги «На крайнем северо-западе Сибири» (СПб., 1896). В 1906 г. встал вопрос о расширении программы «Ежегодника», придании ему большей популярности. Это было связано с

тем, что в данный период «Ежегодник» издавался в «ограниченном количестве и по преимуществу рассылался разным ученым и учреждениям в обмен на их труды». Среди местного населения распространялся мало. Чтобы придать «большой интерес» «Ежегоднику», комитет музея признал крайне желательным «пополнить программу его особым отделом передовых сочинений по исследованию Сибири и сопредельных с нею стран», опубликовать представляющие «большой научный интерес труды: Потканова, Альквиста, Карьялайнена, Гейкеля и др.». Издание «Ежегодника» было для Тобольского музея основным источником обмена трудами с обществами как отечественными, так и зарубежными. Его тома периодически высылались в 165 научных обществ и учреждений России: институты, музеи, библиотеки, университеты, редакции журналов, обсерватории. Выпуски «Ежегодника» получали Венгерский национальный музей в Будапеште; общество естествоиспытателей при Варшавском университете, Финно-угорское и Финляндское географические общества в Гельсингфорсе, национальный музей в Вашингтоне и Уругвайский национальный музей в Монтевидео, общество русских ориенталистов в Харбине. Труды, полученные по обмену, передавались в библиотеку музея и составляли часть ее фонда. За время существования музея было получено несколько тысяч названий книг. Благодаря обмену, библиотека Тобольского музея стала одним из самых богатых книгохранилищ в Сибири как по ценности изданий, так и по их количеству.

В. Коновалова.



Почему у ласточки красные лапки?

О новой книге Анатолия Омельчука

В ней 345 страниц — 17 печатных листов, она касается судеб десятков людей, десятков народов, касается современной науки о месте их в истории человечества, ее с ходу не одолеть: в ней много лингвистических, этнологических, археологических, исторических и прочих терминов. «Манящий свет звезды Полярной» — книга для медленного, неторопливого чтения.

I

Анатолий Омельчук с первых своих книг пишет о Севере с большой буквы, у него давно оформился собственный взгляд на историю Сибири, определилась собственная цена тех или иных человеческих качеств. От книги к книге он сам становится энциклопедией Севера — с именами, трудами, догадками. Он возвращает из исторического безмолвия судьбы многих народов, ушедших за горизонт обозримого мира, ловит эхо исчезнувших этносов. Он избирает для себя девизом слова, отданные главному своему герою Александру Кастрену: «Если не я — то кто?». «Книга — величайший маг, — пишет Омельчук, — соединяющий людей и времена. Не надо выдумывать никаких машин времени, эти машины давно, со времен Гуттенберга, существуют... — И признается в любви к Кастрену: — Я не просто беру в руки книгу, а беру письма друга... Наверное, этот сложный человек не мог вызывать к себе одинаково почтительного отношения. Но в минуту темной тревоги, опустошенности и душевной неприкаянности я всегда помню, что есть такой человек « Александр Кастрен, который каждую минуту своей жизни жил тяжело, но находил в себе силы жить ее полно и достойно...». В книге немало глав, подтверждающих, что автор ее — радиожурналист. По своему построению они напоминают радиорепортажи, язык их суховат, неспритязателен, но большинство страниц, как эта, строки которой только что цитировались, утверждают, что автор ее — поэт, писатель, рассказывающий о

предмете своего увлечения возвышенно, ярко, доступно. Советский Энциклопедический Словарь о сквозном герое «Манящего света звезды Полярной» сообщает: «Кастрен Матиас Александр (1813-1853) финский языковед и этнограф. Исследовал языки и этнографию финно-угорских, самодийских, тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских народов. Составил грамматики и словари для 20 языков. Предложил теорию родства угро-финских, самодийских, тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (алтайская семья)». Писатель А. Омельчук среди исследователей Сибири нашел себе друга, а Сибирь в нем самом обрела себе такового.

II

Связь времен — прочно вошедшее в лексикон современных ораторов словосочетание — в новой книге Анатолия Омельчука проявляется сущностно: от рассказа о встречах с учеными, писателями, художниками он логично переходит на рассказ о Кастрене — сегодняшние заботы, тревоги и радости их находятся в полном созвучии с заботами, тревогами и радостями человека, жившего в прошлом веке. Профессор Богораз-Тан писал о нем: «В великой и сложной науке о человеческих народах, в ее разделе, относящемся к северной Евразии, Кастрен занимает место, единственное в своем роде... Это исходный путь, откуда разошлись многие и разные пути. Но по этим различным путям он шел одновременно сам, и так далеко зашел, что мы... до сих пор не можем догнать его. Это зачинатель, опередивший продолжателей». По этим путям идет, едет, летит Анатолий Омельчук. Кажется, никакой из малых народов северной Евразии не обойден вниманием писателя — пунктиром, но прослежен его след в истории человечества. Книга писалась долго, она объемна, но все равно всего, что можно рассказать о ханты, манси, кетах,

ненцах, югах, койбалах и других, она вместить не могла. Автор образ народа дорисовывает образами персонажей его сказок. Это как последний шанс не только назвать, но показать народ: многотомник «Мифы и сказки народов Сибири» еще не издан. Ненецкий фольклор — это одновременно эпос, песня, былина, сказка, предание. Ненецкая письменность появилась в тридцатых годах нашего века, а устный герой ненцев Ембо живет века, его похождения — это подвиги русских былинных героев и героев мультфильма «Ну, погоди!». Мы ничего о них не узнаем, о делах и проделках Ембо, автор на них не остановится, будет только сказано, что это весельчак, плут, коварный лицедей — посланец богов, старающийся выяснить, отличает ли тундровый народ добро от зла. Зато мы узнаем и сможем ответить на вопрос, почему у ласточки красные язычок и лапки. Только ответ этот будет звучать не по-ненецки, а по-кайбальски. Ласточка приближена к богам, потому что высоко летает. С высоты она всегда видела, что люди на земле живут плохо — в холоде живут люди. И тогда она украли огонь у богов, унесла на землю. Но когда с угольком в клюве подлетала к чуму, он разгорелся — и она взяла его в лапки. Потому они красные у нее — язычок и лапки. А знаете ли вы, что прежде комар был величиной с орла?.. Писатель справедливо замечает: малых народов не бывает, просто история еще неполно оценила вклад каждого в опыт человечества, в его духовное развитие. Уверять в высокой степени компетенции и эрудиции в вопросах, которых касается Анатолий Омельчук в новой книге, нет надобности: информацию он берет из первых рук — у авторов этнологических теорий, статей и книг, у изустных носителей мифов и сказок, и эти авторы, или его университетские учителя, или университетские товарищи, вообще, современники и сверстники. И машина времени — станок Гуттенберга — к его услугам.

Однако в увлечении темой писатель порою не замечает, как в поисках одной исторической достоверности невольно разрушает другую. Например, на стр. 297 говорится о встрече в Петербурге возвращающегося из тяжелого путешествия по Сибири Кастрена, встреча была «достаточно торжественной», потому что о ней знала немецкая колония столицы. «А если знала немецкая интеллигенция, значит, знал весь ученый Петербург». Встреча случилась в 1848 году, а слово «интеллигенция» в русском языке появилось в 60-е годы и означало «разумные люди», «образованные люди». Интеллигенция как особый социальный слой, что

подразумевается на стр. 297, появляется значительно позднее. Даже у В. Даля в 1881 году о ней говорится: «Образованная, умственно развитая часть жителей». Казалось бы, а чего тут особенного? Но один исторический факт должен состыковываться с другим историческим фактом. Или одна точность с другой точностью.

III

Могучие силы истории в своем движении разметали коренное население Сибири по ее окраинам, вытолкали впереди себя за ее пределы или истребили. Голоса и отголоски их собраны на страницах большой книги «Манящий свет

звезды Полярной». Понемногу рассказано в ней о многом — возвращена почва под ноги, наполнен воздухом вакуум белого пятна, а цветная вкладка — репродукции работ художников и фотографов — дала зримые представления и колорит быта народов, населивших эту книгу. И радостно слышать в ней голоса своих давних знакомых: писателей, художников, сказителей, ученых, библиотекарей, оленеводов, рыбаков — их имена в книге, как руки, соединенные в танце на празднике жизни. Они известны всему миру, дети малых народов. Эта книга гуманна и написана гуманистом.

Миниатюры истории

Ф. 3, оп. 1, д. 602, л.д. 3 ИФ ГАТО

Протокол № 4

заседания Ишимской Окружной Комиссии Содействия реализации 2-го Займа Индустриализации.

г.Ишим, 18 октября 1928 г.

Председательствует т. Колбасов.
Секретарь Будрин.

Повестка дня

1. Доклад Городской Комиссии Содействия о ходе реализации 2-го Займа Индустриализации в городе.
2. Доклады ККОВ, Потреб. и Сельхоз. коопераций о ходе работы по реализации Займа по их линии.
3. Доклад Жилияковской Райкомиссии о ходе реализации займа по району.
4. Доклад Окрфо о ходе реализации займа индустриализации по Округу.

Слушали:

Доклад Городской комиссии Содействия о ходе подписки среди организованного и неорганизованного населения города, в котором докладчик отметил удовлетворительный ход подписки среди организованного населения и, наоборот, очень слабый темп подписки среди неорганизованного населения, несмотря на принимаемые к этому меры со стороны Городской

Комиссии Содействия (Докл. т.Грчес).

Постановили:

Доклад принять к сведению. Работу по реализации займа среди организованного населения считать законченной и результаты удовлетворительными. Работу среди неорганизованного населения и результаты подписки признать слабыми; предложить Городской Комиссии Содействия в ближайшие дни добиться решительного перелома в увеличении подписки, рекомендовав провести нижеследующие мероприятия:

- а) созвать в период между 20-24/Х квартальные женские собрания,
- б) использовать Советско-общественный актив в качестве субагентов и наиболее авторитетных граждан из среды неорганизованного населения кустарей и торговцев,
- в) организовать соревнования, между отдельными кварталами и домовладельцами, по подписке на заем путем помещения в почати выводов, заметок и проч

Слушали: параграф 2.

Доклад о ходе работы по реализации Займа по линии сельхоз и потребкооперации и ККОВ.

Постановили:

Констатировать, что Сельхоз и Потребкооперации и ККОВ в деле распространения займа ограничились посылкой лишь директивного письма по своей периферии и другой какой-либо работы в этой области не проводили, причем руководители кооперации не явились сами для докладов на Заседании Окрккомиссии, а ограничились посылкой технических работников. О чем довести до сведения Окрика и о слабой работе опубликовать в печати. В дальнейшем предложить немедленно принять решительные меры к обеспечению широкого развертывания кампании по подписке на заем среди своих членов, дав указания по периферии своим организациям, что они являются основными контрагентами по распространению займа между своими членами.

Слушали: параграф 3
Доклад Жиляковской Райкомиссии
Содействия о ходе работы по
реализации Займа
Индустриализации в районе (докл.
т.Белов).

Постановили:

Доклад и заявление тов.Белова о
том, что данная Району
контрольная цифра будет к 1-му
ноября выполнена — принять к
сведению.

Реализацию 2-го Займа
Индустриализации по
Жиляковскому району — 52%,
признать неудовлетворительной
вообще и в частности слабой среди
крестьян; предложить принять
энергичные меры по втягиванию в
дело реализации займа
кооперативных организаций всех
видов, привлечению в качестве
Субагентов всех культурных

работников деревни, обеспечив
полное выполнение контрольной
цифры к 1-му ноября с.г.

Слушали: параграф 4

Доклад Окрфо о ходе реализации
2-го Займа Индустриализации по
Округу (докл. т.Колбасов).

Постановили:

Констатировать слабый результат
хода подписки среди
неорганизованного населения.
Отметить недопустимую слабость в
работе реализации займа в Районах:
Ларихинском, Частоозерском,
Викуловском и Ильинском,
СЛАБУЮ: Абатском,
Аромашевском, Бердюжском,
Голышмановском, Жиляковском,
Сладковском, Сорокинском и
Петуховском и
УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНУЮ:
Армизонском и Ламёнском.

В целях оживления и проверки
работы по реализации займа на
местах, считать необходимым
командировать в районы
специальных уполномоченных
Окрисполкома с отъездом таковых
не позднее 20-го Октября.
Предложить всем Комиссиям
Содействия принять меры к
оформлению подписки и полному
поступлению взносов к 1 ноября с.г.
Для выявления причин слабой
реализации займа и направления
работы, вызвать с докладами
Председателей Комиссий
Содействия Ларихинского,
Частоозерского, Ильинского и
Петуховского р-нов, к следующему
очередному Заведению
Окр.Комиссии.

*п.п. Председатель
Секретарь*

Топонимика морей Арктики

Обь-Енисейский район

Названия здесь в основном
присваивали:

1. Местные жители в XVII-XIX вв.
2. Обь-Енисейский отряд Великой
Северной экспедиции,
руководимый лейтенантом Д.Л.
Овцыным и штурманом Ф.А.
Мининым в 1735-41 г.
3. Экспедиция Морского
министерства по описи берега от
Печоры до Оби, возглавляемая
штурманом И.Н. Ивановым в
1826-1828 гг.
4. Туруханская экспедиция
геолога И.А. Лопатина в 1866 г.
5. Гидрографическая экспедиция
по изучению устьев рек Оби и
Енисея, работавшая в 1894-1896 гг.
под руководством полковника А.И.
Вилькицкого.
6. Рыбопромысловая экспедиция
Енисейского управления
земледелия и государственных
имуществ в 1908-1912 гг.
7. Отдельный Обь-Енисейский
гидрографический отряд под
руководством гидрографа К.К.
Неупокоева в 1919-1921 гг.
8. Экспедиция Управления по
обеспечению безопасности
кораблевождения в Карском море и
устьях рек Сибири (Убеко-Сибири)
в 1922-1932 гг., работавшая под

руководством гидрографов Н.Ф.
Тимофеевского, Б.А. Сергеевского и
В.И. Воробьева.

Арканова — мыс на западе
Гыданского залива. Назван в 1935
г. экспедицией Зап.-Сиб. ГУ по
фамилии ее участника Арканова.
Анти-Паютаяха — река в
Тазовской губе. Назвал в 1932 г.
астроном Убеко-Сибири С.Н.
Кравков, как лежащую против
(анти) реки Паютаяха (сообщил
В.И. Воробьев). По-ненецки
паютаяха — «ольховая река».
Астрономический — мыс на южном
берегу Гыданского залива. Назвал в
1932 г. капитан Л.К. Шарбаронов по
определенному им здесь
астрономическому пункту.
Афанасьева — мыс в бухте
Находка. Назвал в 1895 г. А.И.
Вилькицкий, вероятно, по фамилии
чертежника карт его экспедиции
коллежского асессора Александра
Ивановича Афанасьева.
Белый — мыс севернее
м.Каменный. Назвал в 1828 г.
штурман И.Н. Иванов, так как на
обрывах мыса все лето белел лед
(Соколов, 1847, стр. 74).
Большая отмель — мелководье,
разграничивающее Гыданский и

Енисейский заливы. Выявлена в
1737 г. Д.Л. Овцыным. В 1920-х
годах так характеризовали
мелководье, а в 1940-х годах
характеристика превратилась в
собственное название.
Боткина — мыс в бухте Находка.
Назвал в 1895 г. А.И. Вилькицкий
по фамилии гидрографа его
экспедиции мичмана Александра
Сергеевича Боткина (род. в 1866 г.),
имевшего также диплом доктора
медицины, который описал флору и
фауну Обской губы.
Виткова — мыс в бухте Находка.
Назвал в 1896 г. А.И. Вилькицкий
по фамилии участника его
экспедиции Александра
Аркадьевича Виткова (род. в 1868
г.), составившего первую карту
бухты.
Годины — мыс на юго-восточном
берегу Обской губы. Назвала в 1920
г. экспедиция Томского института
исследования Сибири по фамилии
ее участника, магнитолога Ю.В.
Грдины, выполнившего здесь
топографическую съемку
(Тимофеевский, 1925, стр. 34).
Гыдыямо — поселок в устье р.Гыды.
По-ненецки — «земля племени
гыда».



Гыланский — залив, полуостров и пролив. Названия возникли от реки Гыды, впадающей в залив, который стали называть Гыданским (или Гыдаямским) с середины XVIII века; полуостров и пролив — с 1920-х годов (Тимофеевский, 1924, стр. 205). Гыда (ныда) — название проживавшего здесь ненецкого племени.

Двух Чумов — бухта в Тазовской губе. Назвали гидрографы Убско-Сибири в 1932 г., увидевшие в ней при топосъемке два ненецких чума (сообщил В.И. Воробьев).

Елисеева — мыс в бухте Находка. Назвал в 1895 г. А.И. Вилькицкий, вероятно, в память умершего в тот год известного русского путешественника и антрополога Александра Васильевича Елисеева (1859-1895).

Жертв — мыс в устье Надымской Оби. Название перевел с ненецкого «Еман-Нэл» в 1862 г. Ю.И. Кушелевский, записавший ненецкое предание о его возникновении: «Когда у русских ханом была женщина, приезжало на собаках много русских, которые выпрашивали о протяженности здешних берегов к морю. Чтобы они не узнали, было принесено в жертву 100 оленей, почему мыс так

и зовется». (Кушелевский, 1864, стр. 32). Возникновение названия следует относить к 1730-м годам, когда здесь были геодезисты отряда Д. Овцына.

Каменный — мыс на западном берегу Обской губы. В 1828 г. штурман И.Н. Иванов перевел ненецкое название мыса — Пэсаля, означающее «мыс камней». Назвали его так потому, что на слагающих мыс песчаных косах попадает крупная галька-плитняк, которой в других местах Обской губы нет.

Львова — русское название мыса Турысаля в Гыданском проливе. Назвал в 1919 г. начальник Обской экспедиции Д.Ф. Котельников по фамилии гидрографа П.Г. Львова, построившего на мысе навигационный знак.

Максим-бугор — сопка на западном берегу Обской губы. Назвали гидрографы Убско-Сибири в начале 1920-х годов по имени начальника полярной станции Новый Порт Максима Максимовича Шунько (род. в 1888) (Тимофеевский, 1925, стр. 5).

Мамонта — полуостров и мыс в Гыданском заливе. Полуостров назвала в 1922 г. экспедиция на шхуне «Агнесса» по найденному здесь в 1866 г. трупы мамонта

(Старокадомский, 1957, стр. 84). Мыс назван по полуострову гидрографами Убско-Сибири в 1932 г.

Маниха — бухта в Обской губе. Названа в 1925 г. гидрографами Убско-Сибири по гидрографическому судну «Маниха», с которого она обследовалась в 1924 г. Ранее это судно именовалось «Анна», позднее «Неупокоев» и «Хронометр». В 1937 г. бывшая «Маниха» погибла в море Лаптевых у м. Буорхая, где и теперь виден ее остов (сообщил В.И. Воробьев).

Маттесаля — мыс на севере полуострова Явай. По-ненецки — «тупой мыс». В 1737 г. Д.Л. Овцын, зная, что ненцы называют так север Гыданского полуострова, посчитал за него северный берег нынешнего о. Шокальского, из-за чего до 1923 г. здесь показывался несуществующий залив. В 1895 году А.И. Вилькицкий ошибочно отнес название Маттесаля к о. Неупокоева, показав последний соединенным с материком. В 1930 г. экспедиция на п/х «Мейснер» отнесла название к его нынешнему месту, хотя оно никогда ненцами так не называлось. Они называют



так северный берег полуострова Мамонта (поселок Маттюйсаля). **Минина** — мыс на п-ве Мамонта. В 1894 г. А.И. Вилькицкий назвал так северную оконечность нынешнего о.Олений, считая его частью материка, в память штурмана Минина Федора Алексеевича (1708-ок.1765), изучавшего Обь-Енисейский район в 1737-1741 гг. Когда в 1910 г. выявилось нахождение мяса на острове, на некоторых картах название стали относить к острову. В 1920-х годах вследствие неверных долгот старых карт название переместили на п-ов Мамонта.

Мордовина — мыс в бухте Находка. Назвал А.И. Вилькицкий в 1895 г. по фамилии участника его экспедиции, впоследствии известного гидрографа-геодезиста Константина Павловича Мордовина (1870-1915) — автора первого учебника по гидрографии «Морская опись» (1911 г.).

Наливной — мыс на восточном берегу Обской губы. Именуется так с начала 1920-х годов, когда выяснилось, что у мыса в 1734-1738

гг. наливались пресной водой суда отрядов Д. Овцына и С. Малыгина, которые называли этот мыс «Ватершланг» (Соколов, 1851, стр. 67).

Напалково — селение у мыса Хасрё, на восточном берегу Обской губы. В 1925-1937 гг. упомянутый мыс назывался м.Напалково по фамилии топографа Убеко-Сибири Петра Яковлевича Напалкова (1886-1940), выполнившего в 1920 годах съемку всего восточного и частично западного берегов Обской губы. Н.Я. Напалков — участник известной экспедиции П.К. Козлова в Центральную Азию в 1907-1909 гг. В 1929 г. у м.Напалкова возникла фактория (ныне селение), которую стали называть по мысу — Напалково. С 1937 г. в связи с необоснованной репрессией П.Я. Напалкова на картах мыс стали подписывать местным ненецким названием, а название фактории позже перешло к разросшемуся селению.

Публикация А. Омельчука.
Фото Л. Седова

Адрес редакции:
625000, г.Тюмень,
ул.Ленина,65.
Телефоны:
26-36-05, 26-35-47

Цена 15 руб.

Отпечатано в типографии
АО "Слово Тюмени"

Редактор
— Анатолий Васильев

Верстка выполнена
компьютерной группой
"Согласия"